

ПЕРЗРОМ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ 15 ноября № 2

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цена отдѣльн. номера 60 сант. (30 руб.)
Заграницей 14 амер. цент.

Содержаніе:

К. Д. Бальмонтъ — „Дѣтскій міръ“.
Почет. акад. И. А. Бунинъ — „Мордовскій сарафанъ“.
Ольга Далматова — „Иней“.
Ив. Лукашъ — „Земля Св. Ольги“.
А. Ремизовъ — „Рожь“.
Проф. Н. И. Мишеевъ — Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.
Репродукци картинъ Академика Н. П. Богданова-Бѣльскаго.
Дѣтскій уголокъ, русская книга, искусство, по бѣлу свѣту.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, К. Д. Бальмонтъ, И. А. Бунинъ,
О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор.
Зайцевъ, (ред. литер. отдѣла), А. И. Купринъ, Вл.
Ладыженскій, Ив. Лукашъ, Р. Минцловъ, проф.
Н. И. Мишеевъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Теффи,
А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, И. Шмелевъ, Сем.
Юшкевичъ. — Художники: акад. Н. П. Богдановъ-
Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, М. Добужин-
скій, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка — работы
М. Добужинскаго.

Бриллианты

Часы

Золото

Серебро

Хрусталь

А/О Л. Розенталь

Осн. 1874.

Грѣшная улица № 13.

Собственная
мастерская.

МѢХА
МѢХОВЫЯ ВЕЩИ

ЗАКАЗЫ * ПЕРЕДѢЛКИ

БРАТЯ ЛИБМАНЪ

Известковая 13.

Прочная

Дешевая

Обувь

для **мужчинъ — дамъ — дѣтей**

Фабричные склады:

Рига, { Геогрудинская ул. 14. Либавъ, Зерновыя ул. 33
Оарайная ул. 8. Видява, Замковая ул. 24
ул. Свободы 64/68. Двиньонъ, Рижская ул. 9.

Безусловно

И внѣ сомнѣній, въ

БИ-БА-БО

Аппетитны

Бульонъ, чай и

Особенно кофе.

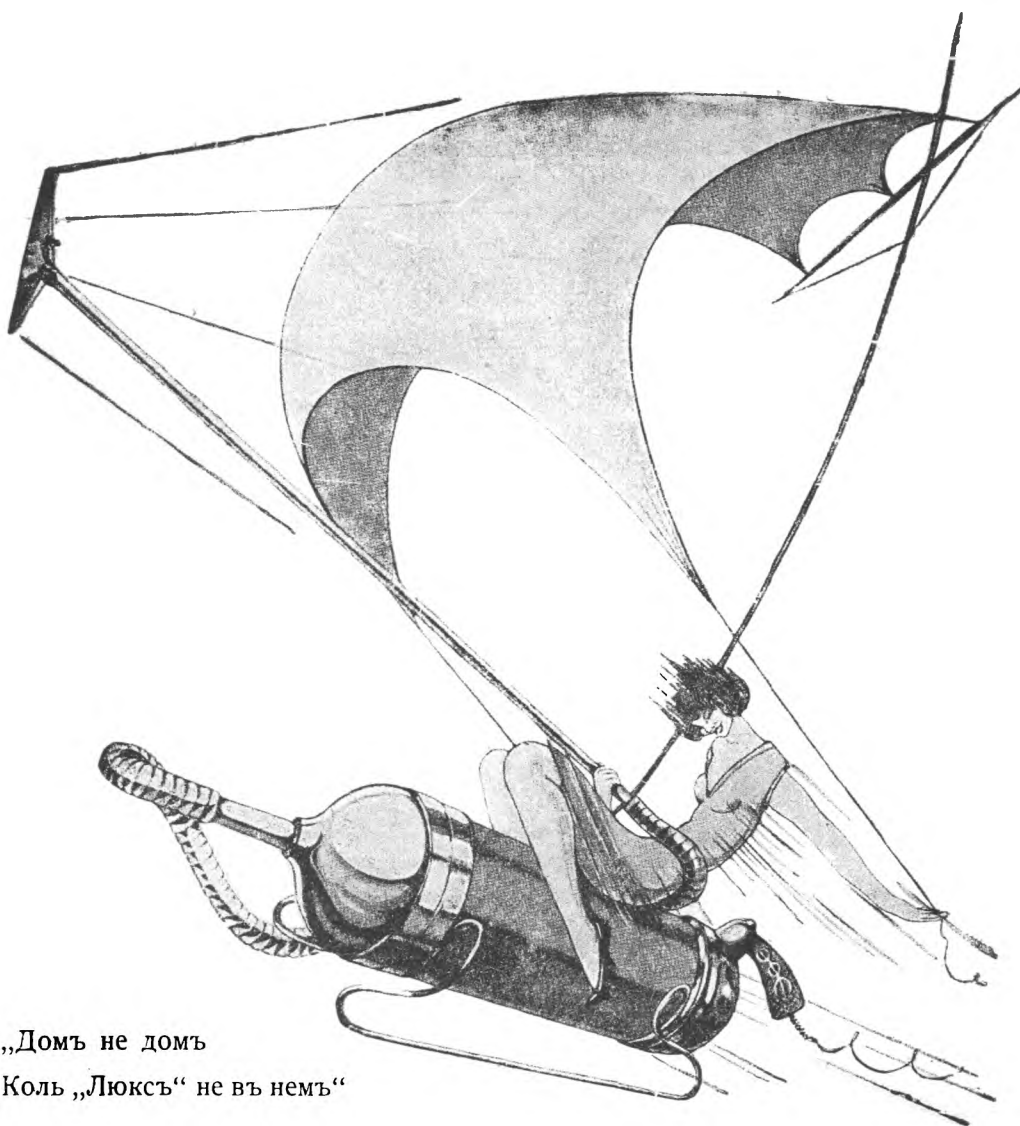
БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Всѣ твердятъ наперебой:

Хорошо печетъ Алой!

**Спеціальная фабрика
баранокъ**

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

„Домъ не домъ
Коль „Люксъ“ не въ немъ“

Вступите на новый путь

къ лучшей, удобнѣйшей жизни, къ сбереженію, чистотѣ и гигиенѣ, употребляя
въ Вашемъ домѣ новѣйшій способъ чистки, посредствомъ

„Электролюксъ“
популярнымъ шведскимъ пылесосомъ.

„Электролюксъ“ всѣмъ доступенъ, благодаря легкимъ условіямъ платежа.

Расходъ электр. тока въ латв. Рубл. 2,5 въ часъ.

Требуйте бесплатную демонстрацію у себя дома.

РИГА: Торг. Акц. Общ. Электролюксъ, Купеческая 1. Тел. 63-20.

КОВНО: „Электролюксъ“, улица Мицкевича 26. Тел. 16-71.

РЕВЕЛЬ: Акц. Общ. Электролюксъ, Почтовая ул. 6. Тел. 19-78.

Въ Ригѣ вышла въ свѣтъ въ издательствѣ Акціонернаго О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“ новая большая русская національно-демократическая газета подъ главнымъ редакцированиемъ Ивана Лукаша

Слово

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

М. Арцыбашевъ,	Ив. Лукашъ,
А. Амфитеатровъ,	Б. Неандеръ,
В. Амфитеатровъ-	Вл. Сиринъ,
Кадашевъ,	Ал. Ремизовъ,
акад. Ив. Бунинъ,	Ив. Шмелевъ,
Б. Зайцевъ,	А. Черныйи др.
П. Красновъ,	
С. Кречетовъ,	

Въ „Словѣ“ участвуютъ общественные дѣятели и ученые:

проф. А. А. Ильинъ,	проф. А. Пиленко,
проф. А. В. Карташевъ,	А. С. Хрипуновъ
	и др.

Собственные корреспонденты „Слова“:

Въ Лондонѣ	— Аріадна Тыркова.
Въ Парижѣ	— А. А. Борманъ.
Въ Нью-Йоркѣ	М. И. Печковский.
Въ Берлинѣ	— А. А. Фонъ Лампе.
Въ Римѣ	— В. С.
Въ Прагѣ	— В. Амфитеатровъ-
	Кадашевъ и Боми.
Въ Варшавѣ	— Н. Съдовъ.
Въ Копенгагенѣ	— Л. Т.
Въ Женевѣ	— А. Л.
Въ Балканскихъ	проф. В. Х. Даватцъ
государствахъ	— и Н. Э. Рыбинскій.

Приглашены къ участию въ „Словѣ“ русскіе — депутаты Сейма Латвіи.

Приглашены къ участию въ „СЛОВѣ“ представители Латвійской общественности и литературы.

Завѣдываніе общественно-политическимъ отдѣломъ уже принялъ Б. Евлановъ.

„Слово“ — будетъ выходить по образцу большихъ Западно-европейскихъ газетъ.

„Слово“ — кромѣ самой широкой информации и образцоваго литературнаго отдѣла, будетъ газетой съ богатымъ экономическимъ матеріаломъ и провинціальнымъ отдѣломъ.

„Слово“ — отводитъ особое вниманіе Латгаліи, земельному вопросу въ Латвіи и русскому учительству.

„Слово“ — даетъ самыя подробныя свѣдѣнія объ положеніи въ Сов. Россіи.

„Слово“ — будетъ имѣть наиболѣе полную и широкую информацию о культурной и экономической жизни меншинствъ въ прибалтійскихъ государствахъ и въ Польшѣ.

„Слово“ — отводитъ особое мѣсто спорту.

„Слово“ — будетъ иллюстрировать фотографіями и рисунками событія мѣстной и международной жизни и даетъ полную утреннюю и вечернюю информацию за 24 часа.

Редакція „СЛОВА“ помѣщается по Бл. Кузнечной 43,
типографія Акц. Общ. Печатн. Дѣла „Саламандра“.

Пріемъ объявленій въ „СЛОВѣ“ открытъ — въ конторѣ, Б. Кузнечная 43.

ПРОЗЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 1925

М. И. МИШЕЕВЪ.

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

I.

Николай Петровичъ Богдановъ-Бѣльскій родился въ 1868 г.

Интересно послушать самого художника, что рассказываетъ онъ о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ.

— „Мои родители были безземельные крестьяне Смоленской губерніи. Вокругъ нашей деревни шли многочисленныя усадьбы мелкихъ помѣщиковъ. Отношенія между ними и крестьянами были наилучшія. Помѣщики давали работу, добросовѣстно оплачивали ее. Какъ сейчасъ помню, что тяжелый полевой трудъ начинался и кончался праздниками, пѣснями, угощеніемъ. Легко и привольно жилось... Съ малыхъ уже лѣтъ у меня проявилась страсть къ „художеству“, — вырѣзывалъ разные предметы, фигурки изъ дерева. Вырѣзалъ однажды цѣлую скрипку, которую сосѣдній помѣщикъ и купилъ за 20 коп. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ.

Съ грамотой дѣло обстояло неважно. Школы отсутствовали. Къ счастью въ это время перѣхалъ по сосѣдству съ нами на постоянное жительство въ свое имѣніе „Татевое“ извѣстный

московскій профессоръ С. А. Рачинскій, промѣнявшій университетскую кафедру на сельскую школу.

Очень скоро онъ создалъ на свои средства образцовую школу для крестьянскихъ дѣтей, гдѣ онъ самъ, учителя и ученики составили нѣчто на подобіе братства. Чистая и радостная атмосфера высококачественнаго труда царилъ здѣсь.

9 лѣтъ я попалъ въ эту школу. С. А. Рачинскій однажды заинтересовался, есть-ли среди дѣтей, способные къ живописи. Указали на меня, какъ на любителя списывать все своими рисунками. С. А. далъ задание срисовать съ натуры одного учителя. Экзаменъ происходилъ на виду всей школы, въ „Татевое“. Впервые мнѣ съ натуры пришлось рисовать человѣка. Написалъ, однако. Нашли сходство. С. А. взялъ рисунокъ и отнесъ къ своей матери. Она захотѣла меня видѣть, и вотъ крестьянскій мальчикъ попалъ въ роскошныя хоромы богатаго дома.

Привѣтливо встрѣтила меня В. А. Рачинская, уже глубокая старуха, сестра извѣстаго поэта Е. А. Баратынскаго, современница Пушкина,

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Будущій инокъ“.

съ которымъ она танцевала на балахъ. Очень часто гостила у Рачинскихъ ихъ родственница, баронесса Дельвигъ, сестра друга Пушкина. Много интереснаго рассказывали женщины о великомъ поэтѣ.

Счастливые часы проводилъ я въ обществѣ ихъ и С. А. Рачинскаго, милаго и культурнаго человѣка, безгранично любящаго русскій народъ. Многимъ, если не всѣмъ, я обязанъ этой семьѣ. Подъ покровомъ ея прошло все мое дальнѣйшее воспитаніе.

Первоначальное художественное образованіе я получилъ въ Рисовальной школѣ при Сергіевской Лаврѣ, гдѣ, между прочимъ, хорошо былъ поставленъ классъ рисунка. Затѣмъ поступилъ въ Московское Училище Живописи, Ваянія и Зодчества.

Много тревогъ доставила мнѣ картина „Будущій инокъ“ для полученія званія класснаго художника. Дѣло въ томъ, что я только за два мѣсяца до срока подачи началъ ее писать, — пропустилъ время. Писалъ ее въ „Татевѣ“ у Рачинскихъ. Былъ Великій Постъ. Всѣ говѣли. Религіозная семья, частыя службы въ старень-

комъ храмѣ, пѣніе и чтеніе на клиросѣ, общеніе съ народомъ, религіозно настроеннымъ, вызывало въ душѣ состояніе тишины, покоя и вѣры. Всѣ и все кругомъ было проникнуто этимъ. А здѣсь еще исторія произошла: одинъ крестьянскій юноша пропалъ вдругъ послѣ причастія. Стояла суровая зима. Нашли мальчика только спустя двѣ недѣли въ глубинѣ лѣса, въ шалашѣ съ краюхой хлѣба. Онъ заявилъ, что хочетъ быть отшельникомъ.

Среди такой атмосферы писалъ я своего „инока“. Кончилъ. Не понравился онъ мнѣ. Отвезъ въ Москву и... проснулся однажды „знаменитымъ“. Поздравляли товарищи, профессора, допытываясь, какими путями я достигъ такой экспрессіи въ лицѣ „будущаго инокъ“. Я и самъ не зналъ. Объясняю это моимъ тогдашнимъ религіознымъ настроеніемъ.

Картину купилъ за 300 р. Солдатенковъ, крутой старикъ-старообрядецъ. Въ 1890 г. съ его разрѣшенія я выставилъ „Будущаго инокъ“ на „Выставкѣ Передвижниковъ“. Государыня Марія Феодоровна, не зная, что картина соб-

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Рыбаки“.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Соціалізація“.

ственность Солдатенкова, оставила ее за собой. Комитетъ Выставки спохватился, но поздно. Черезъ Рачинскаго я попросилъ Побѣдоносцева переговорить съ государыней. Она передала, что будетъ очень обязана Солдатенкову, если онъ переуступитъ ей картину. Побѣдоносцевъ телеграфировалъ старику и тотъ отвѣтилъ, что „почтеть за счастье, если государыня возьметъ у него картину“. Однако, когда я въ Москвѣ заявился къ Солдатенкову, то онъ налетѣлъ на меня, какъ, — дескать, я смѣлъ продавать его картину, — и требовалъ немедленнаго возвращенія 300 руб. Денегъ у меня не было, а старику я напомнилъ объ его телеграммѣ. Въ концѣ концовъ мы помирились.

Изъ моихъ воспоминаній отмѣчу свое путешествіе на Аѳонъ въ 1889 г. по окончаніи Училища. Здѣсь я встрѣтился съ монахомъ, отцомъ Филиппомъ, на котораго мнѣ афонскіе отцы указали, какъ на „бог о п и с ц а“. Этотъ „бог о п и с ецъ“ оказался крестьяниномъ Рязанской губ., пріѣхавшимъ на Аѳонъ „спасать душу“, какъ онъ мнѣ заявилъ, причемъ, „спасеніе души“ соединилъ съ неутомимой жаждой къ живописи, которой нигдѣ не учился. Онъ все время сопровождалъ меня на работахъ и однажды поразилъ рисункомъ монаха съ натуры. Въ 1894—5 г.г. я встрѣтился съ нимъ въ мастерской Рѣпина. О немъ говорили, какъ о большомъ талантѣ. Это былъ... Малявинъ.

У Рѣпина вмѣстѣ со мной работали также Бразъ, Кордовскій, Сомовъ. Затѣмъ я поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ занимался въ студіи Кормона и Каляросси. Здѣсь также работали, одновременно со мной, Лансерѣ, А. Н. Бенуа.

Съ удовольствіемъ вспоминаю свое участіе на „Выставкахъ Передвижниковъ“. Выставки эти имѣли громаднѣйшій успѣхъ. Между обществомъ и художниками была полная гармонія. Одни и тѣ же интересы, одна идеологія объединяла насъ съ окружающей обстановкой. Подъ эгидой передвижническихъ выставокъ

разцвѣлъ цѣлый рядъ такихъ видныхъ представителей искусства, какъ Перовъ, Вл. Маковский, Шишкинъ, Полѣновъ, Саврасовъ, Ге, Рѣпинъ, Суриковъ, Васнецовы, Левитанъ, Сѣровъ, Нестеровъ и мн. др. Затѣмъ, какъ вы знаете, родились новые вкусы, появились и „новыя пѣсни“. Объявился „походъ“ противъ „передвижниковъ“. Ихъ огуломъ обвинили, чуть-ли не вычеркнувъ совершенно изъ списка подлинныхъ служителей искусства. Напрасно. Русское искусство многимъ обязано имъ. У нихъ была не только тенденція, но и большая живопись. Впрочемъ, не мнѣ ихъ защищать, — исторія сдѣлаетъ это.

Послѣ Парижа я увлекся „плэнеризмомъ“. Воздухъ, фигуры среди пейзажа, свѣтъ — вотъ

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Трудная задача“.

чему съ 1905 г. я сталъ отдавать свое вниманіе. Въ Тверск. губ., Вышневолоцк. у. цѣлая колонія художниковъ, какъ Жуковский, Степановъ, Быляницкій-Бирюля, еще раньше ихъ — Левитанъ, а подъ конецъ, уже въ октябрьскую революцію, К. Коровинъ, я — съ 1907 по 1920 г. — жили и работали вмѣстѣ среди природы, оставивъ мастерскія. Въ 1910 г. я написалъ картину „Именины учительницы“, отмѣченную и печатью, и еще больше художниками-импрессионистами за тѣ импрессионистскія достиженія, которыхъ я добился въ ней. Картина была на всемирной выставкѣ въ Римѣ (1911 г.) и Мюнхенѣ. (Прод. въ Лондонѣ).

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Въ лодкѣ“.

Но сильны воспоминанія дѣтства и переживания юношескихъ годовъ. Я такъ много лѣтъ провелъ въ деревнѣ, такъ былъ близокъ къ сельской школѣ, такъ часто наблюдалъ крестьянскихъ дѣтей, такъ полюбилъ ихъ за непосредственность, даровитость, что они, какъ то сами собой, сдѣлались героями моихъ картинъ. Что дѣлать! Каждому свое“...

III.

„Материаломъ поэзіи является не образы, не эмоціи, а слово. Поэзія есть искусство слова и больше ничего“. (Проф. Жирмундскій. „Начала“. 1921 г. № 1).

„Бросьте,
забудьте,
плюньте
на розовый кустъ,
и на прочія мерлехлюндіи

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.
За мольбертомъ худ. С. А. Виноградовъ.

„Старая Рига“.

изъ арсеналовъ искусствъ!
Кому это интересно,
что „ахъ, вотъ бѣдненькій,
какъ онъ любилъ
и потому былъ несчастнымъ!“ (Маяковский. „Приказъ № 2 по арміи искусства“).

Итакъ, содержаніе, сюжетъ не входятъ въ область поэзіи. Главное — форма.

Одинъ изъ печальныхъ примѣровъ „спеціализаціи“ въ искусствѣ. Другой примѣръ мы видимъ въ театрѣ, гдѣ эта „спеціализація“ потребовала отъ актера только игры, безъ связанныхъ съ ней переживаній, иначе, исключительнаго знанія и умѣнья владѣть техникой, т. е. формой своего мастерства. Отсюда культъ театральности, этой „истинной доминанты новой теа-

тральной эпохи". (Еврейновъ. „Театръ у животныхъ". Петр. 1924 г.).

Въ искусствахъ пластическихъ, въ частности, въ живописи, мы, ставъ на путь той же „спеціализаціи“, сначала провозгласили „чистую живопись“, какъ культъ свѣта и цвѣта, отнюдь не рисунка, потомъ перешли къ отрицанію психологіи и, наконецъ, сюжета, создавъ „безпредметную живопись“. Форма получила въ живописи свое самостоятельное, независимое бытіе, что привело къ кубизму. Стремленіе разложить форму на элементы, чтобы выразить находящуюся въ нихъ матерію во времени и пространствѣ, родило футуризмъ. Кубо-футуризмъ есть соединеніе того и другого. Въ результатъ картины, предъ которыми большинство изъ насъ недоумѣваетъ...

А, между тѣмъ, мы, по основному складу своей психики, право, „диллетанты“. Нашъ духъ — это синтезъ воли, чувства и разума. Въ каждомъ актѣ воздѣйствія на окружающій насъ міръ и воспріятія его у насъ объединяются въ той или другой степени воля, чувство и разумъ, т. е. „пища“ нужна всѣмъ имъ, иначе мы будемъ неудовлетворенными и „недоумѣвающими“.

Не лежить-ли корень современного кризиса искусства въ его „спеціализаціи“, въ данномъ случаѣ, въ излишней „формализаціи“, приведшей, какъ мы знаемъ, къ невозможнымъ уродствамъ въ области искусства?..

III.

Своимъ рассказомъ о себѣ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій далъ намъ ключъ къ пониманію его творчества. Русскій человѣкъ съ головы до ногъ, корнями вросшій въ бытъ родной деревни, чутко прислушивающійся къ голосу окружающей его съ дѣтскихъ лѣтъ природы, любящій и знающій крестьянскую дѣтвору, умѣющій, какъ никто, подмѣчать и изображать ея сложный въ своей непосредственности духовный міръ, увлекательный и трогательный рассказчикъ, будящій вашу мысль и чувство, вызывающій въ вашей душѣ рядъ дорогихъ русскому человѣку воспоминаній и настроеній, — таково содержаніе произведеній художника, такова „пища“, которую даетъ намъ

его творчество, понятное и простое, какъ проста въ своемъ величіи та природа и край, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ этотъ художникъ. Всмотритесь въ „Трудную задачу“, „Будущаго инокъ“,*) „Мечтателя“, „Пріятелей“, „Талантъ и поклонника“, (прод. въ Америку), „Соціализацію“, „Старого скрипача“, „На работу“, „Въ деревнѣ“, „Юнаго работника“ — вездѣ вы увидите подтвержденіе такой именно характеристики „духовнаго лица“ Н. Богданова-Бѣльскаго, таковымъ оно является и въ самой первой его картинѣ „Будущій инокъ“, и въ извѣстныхъ его вещахъ, какъ „Воскресное чтеніе“, „Соборованіе“ (Муз. Алекс. III) и въ произведеніяхъ, написанныхъ недавно: „Талантъ и поклонникъ“, „Пріятели“ и др. Все это, такъ сказать, есть „передвижничество“ нашего художника, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ данного слова, осуждаемое новѣйшей живописью, культивирующей только одну форму, изгоняющей изъ картины всякое содержаніе, дающей пищу только одному глазу, а въ кубо-футуризмѣ — неизвѣстно чему...

Было-бы, однако, большой ошибкой думать, что творчество Богданова-Бѣльскаго ограничивается только однимъ содержаніемъ, что въ жертву послѣднему приносится живопись, рисунокъ. Сколько, напимѣрь, замѣчательной экспрессіи при художественной формѣ въ картинахъ „Будущій инокъ“, „Трудная задача“, „Талантъ и поклонникъ“. Какъ много и тамъ, и здѣсь говорятъ лица этихъ крестьянскихъ дѣтей. А развѣ не красоченъ „Лѣтній вечеръ“ съ его чисто-импрессионистской манерой письма, краснымъ платкомъ на головѣ дѣвочки? Интересно также выдержанностью общаго тона, игрою свѣта и тѣни „Бывшій защитникъ родины“, гдѣ за воспріятіемъ вашего глаза, слѣдуетъ съ необходимостью опредѣленное душевное переживаніе, вызванное содержаніемъ картины. Не могу также не обратить вашего вниманія на „Старую Ригу“, очень любопытную по характеру живописи и краскамъ, къ сожалѣнію, репродуцированную „чернымъ“, и пейзажъ „Развалины въ Кокенгузенѣ“, полный настроенія и колоритности.

Н. И. Мишеевъ.

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Перезвонъ“ будетъ помѣщена цвѣтная репродукція съ этой картины, подлинникъ которой случайно оказался въ Ригѣ.

ИВ. БУНИНЪ.

Мордовскій сарафанъ.

Зачѣмъ собственно иду я къ ней, къ этой странной и вдобавокъ и беременной женщинѣ? Зачѣмъ завязалъ и поддерживаю еще одно ненужное знакомство? Мудрить тутъ, конечно, не надъ чѣмъ, а все-таки глупый визитъ. Глупый, фальшивый и вообще непріятный какой-то. Опять встрѣтились вчера въ Леонтьевскомъ и опять — радостная улыбка, минута несвязнаго, неловкаго разговора, а затѣмъ крѣпкое рукопожатіе и просьба:

— Заходите какъ-нибудь на огонекъ! Буду сердечно рада. Заходите, когда вздумается, я всегда дома. Заходите завтра, я вамъ покажу мой новый мордовскій сарафанъ...

И вотъ опять иду и даже спѣшу почему-то. Навстрѣчу дуетъ сырой мартовскій вѣтеръ. Надъ Москвой черная весенняя ночь. Впереди чисто блестятъ фонари. Въ вышинѣ, въ черносинемъ небѣ, бѣлѣютъ пухлыя облака, снизу освѣщенные городомъ. Справа теряются въ

нихъ таинственно мерцающія старой позолотой церковныя маковки. И отовсюду красновато глядятъ безчисленные глаза домовъ, казущихся въ темнотѣ огромными.

Конечно, опять ждала весь день, готовилась, — ходила покупать фрукты и печенья, принарядилась... Вообще вообразила, кажется, будто жизнь ея вдругъ приобрѣла какой-то радостный интересъ, будто нашелся какой-то „чуткій“ человекъ, который, наконецъ, оцѣнитъ ея неоцѣненную мужемъ душу. — При мысли обо всемъ объ этомъ такъ стыдно, что хочется повернуть и бѣжать назадъ.

Однако, вотъ и подъѣздъ. Вестибюль средній, довольно бѣдно освѣщенный, не располагающій къ посѣщеніямъ. Швейцаръ молодой, въ поддевкѣ, дурного тона. Только что я стукнулъ, входя, какъ онъ тотчасъ поднялъ изнутри свою красную занавѣсочку на дверномъ окнѣ и любопытно выглянулъ. Подавляя въ себѣ неловкость, независимо прохожу мимо и безъ отдыха поднимаюсь по узкой лѣстницѣ, устланной затоптаннымъ коврикомъ. Ухъ, чортъ, какъ высоко и какъ вообще все это нелѣпо!

Но все равно — уже позвонилъ. Поспѣшные шаги за дверью — и дверь открывается, и не горничной, а самой хозяйкой.

Опять радостная и, какъ всегда, почему-то удивленная улыбка, мигъ обоюдного смущенія — и торопливая, видимо, заранѣе приготовленная фраза:

— Ахъ, какъ мило, что сдержали обѣщаніе, забрели на огонекъ! А я совсѣмъ въ одиночествѣ, даже прислугу отпустила, — у нихъ вѣдь, знаете, настоящее помѣшательство, этотъ кинематографъ...

Ну-съ, разоблачайтесь и идемъ чай пить...

Дался ей этотъ „огонекъ!“ А въ придачу „разоблачайтесь“ и безтактный поцѣлуй въ високъ, когда я поцѣловалъ ея руку, и заявленіе объ отсутствіи прислуги. — Стыдно уже нестерпимо, однако, вхожу въ гостинную бѣдро, какъ ни въ чемъ не бывало, развязно протирая очки платкомъ. И протирая, думаю: да, и волосы убраны очень хорошо, видимо, у парикмахера, — значитъ, я былъ правъ, ждала, готовилась, — и потомъ это болотно-зеленое бархатное платье, пріоткрывающее полныя груди,

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Вечеръ въ деревнѣ“.

и жемчугъ между ними, и чулки изъ сѣраго шелка, и атласныя туфельки...

— Присаживайтесь, милый Петръ Петровичъ, я сію минуту...

И быстро уходитъ. — Очень возбуждена и, надо правду сказать, очень не плоха. Какая-то особая красота беременности, чудесный рас-

Любуюсь; для видимости интереса, вниманія и безпристрастности выдумываю маленькія придирки, пересыпая ихъ лестью. Она наливаетъ чай, — „вѣдь вамъ покрѣпче, неправда-ли?“ — и съ улыбкой подаетъ мнѣ чашку, манерно отставивъ мизинецъ. И начинается бесѣда, если только это можно на-

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Пріятели“.

цвѣтъ всего тѣла. Губы уже слегка воспаленныя, припухшія, но зато великолѣпно темны и блестящи глаза.

Со вздохомъ падаю всей своей тушей на диванъ. Обстановка, конечно, обычная: раскрытое черное піанино, надъ нимъ портретъ грознаго широкоскулаго Бетховена, возлѣ большаго розовымъ абажуромъ, передъ диваномъ столикъ, спиртовка для чайника, пирожныя, фрукты, золотыя ножички; а на креслахъ въ изломанныхъ и безпомощныхъ позахъ лежатъ куклы: баба въ желто-красномъ сарафанѣ, добрый молодецъ въ жаровой рубашкѣ, въ плисовой безрукавкѣ и въ круглой шляпкѣ съ павлиньими перьями, маркиза въ бѣломъ парикѣ изъ ваты, арлекинъ, Коломбина...

— Ну-съ, вотъ и я.

Ставить чайникъ на спиртовку, зажигаетъ ее, собираетъ съ креселъ игрушки и съ улыбкой валить ихъ мнѣ на колѣни:

— Мои новые шедевры. Любуйтесь и критикуйте!

звать бесѣдой, такъ какъ гдѣ-то говорить, по обыкновенію, только она. О чемъ? О томъ же, о чемъ и всегда. Сперва объ игрушкахъ, которыхъ я терпѣть не могу, но которыя я продолжаю разсматривать и среди разговора, такъ какъ это ея страсть, „то единственное, на чемъ она отводитъ душу, созданную въ сущности только для искусства“, затѣмъ о мужѣ, котораго я и до сихъ поръ ни разу не видалъ и о которомъ она говоритъ съ фальшивой веселостью, — „спитъ до десяти, ѣдетъ на службу, обѣдаетъ, снова спитъ и снова уѣзжаетъ!“ — и, наконецъ, о своемъ первомъ, умершемъ ребенкѣ. Говоритъ она только о себѣ. Обо мнѣ, хотя-бы изъ приличія, никогда ни единого словечка, — до сихъ поръ не знаетъ и не проявляетъ ни малѣйшаго намѣренія узнать, кто я, что я, гдѣ служу, женатъ или холостъ...

Возбуждена она нынче особенно. И возбуждена и какъ будто очень весела. Говоритъ безъ умолку, съ необыкновенной выразительностью и съ такой требовательностью вниманія, что я вскорѣ начинаю шалѣть, цѣпенѣть

АКАДЕМИКЪ Н. П. БОГДАНОВЪ-БЪЛЬСКІЙ.

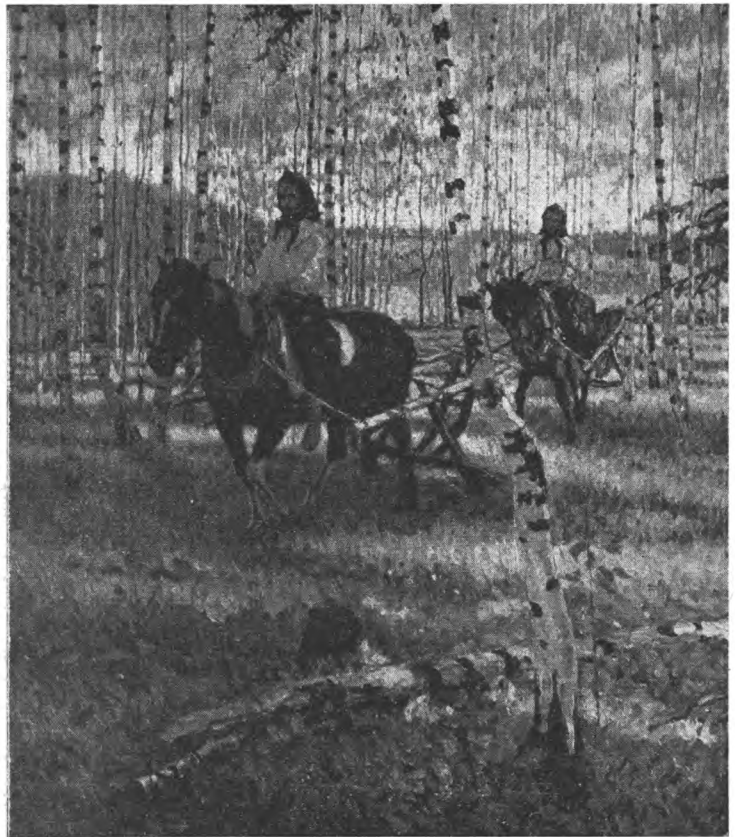
„Б. ЗАЩИТНИКЪ РОДИНЫ“.

и только бессмысленно и растерянно улыбаюсь. Впезапно она вскакивает, — „ахъ, главное-то я и забыла!“ — на мгновение скрывается въ сосѣдней комнатѣ и возвращается съ торжествующей улыбкой:..

Voilà! И все собственноручно! Правда, хорошо?

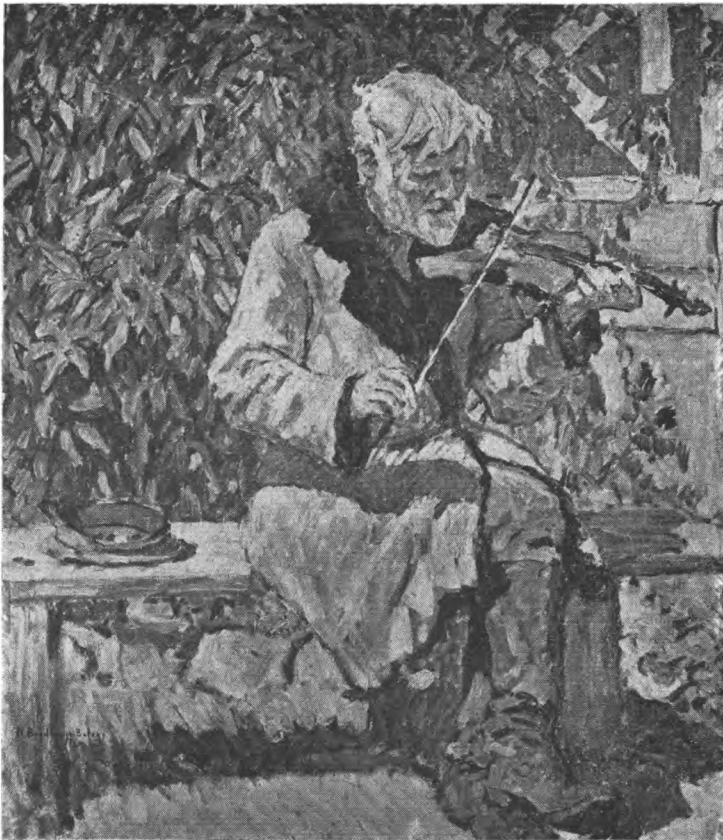
Въ рукахъ у нея что-то странное и страшное: длинный балахонъ изъ суровой крестьянской холстины съ нашивками и вышивками на плечахъ, на рукавахъ, на груди и на подолѣ темно-коричневыми и кубовыми шелками. Она всячески показываетъ мнѣ его, прикидываетъ къ себѣ, къ своимъ полнымъ грудямъ и округляющемуся животу, и вопросительно и радостно смотритъ на меня. Я встаю и опять съ притворнымъ вниманіемъ осматриваю, восхищаюсь, а межъ тѣмъ мнѣ уже просто невмоготу: что-то мрачное, древнее и какъ-будто гробовое есть въ этомъ балахонѣ, что-то жуткое и очень неприятное вызываетъ онъ во мнѣ въ связи съ ея беременностью и трагической веселостью. Вѣроятно, умереть родами, думаю я. Вообще она на порогѣ не то какого-то большого несчастья, не то сумасшествия.

Бросивъ сарафанъ на піанино, она опять садится на кресло рядомъ со мной и, не спуская еъ меня расширенныхъ глазъ,

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„На работу“.

Н. П. Богдановъ Бѣльскій

„Старый скрипачъ“.

начинаетъ говорить о своихъ чувствахъ къ своему будущему ребенку. Они необыкновенны, невыразимы, эти чувства. Ея первенецъ, который „такъ мгновенно сгорѣлъ въ огнѣ того дивнаго и непостижимаго, что называется жизнью, которой исчезъ изъ этого міра, едва раскрывъ на него свой очаровательно-радостный взглядъ, вызвалъ въ ней нѣчто такое, чего она не забудетъ до гроба“. Теперь она „съ ужасомъ и восторгомъ чувствуетъ въ себѣ новое бытіе и уже полна такой любовью, передъ которой всякая любовь и особенно къ мужчинѣ—кощунство, пошлость“. Если Богъ и второй разъ отниметъ у нея эту любовь, она покончитъ съ собой, не задумываясь ни на минуту, — это она уже твердо рѣшила... Или же уйдетъ въ монастырь. Мысль о монастырѣ — ея давняя, завѣтная мысль. О, если-бы не замужество, не дѣти! Она дня не стала бы медлить съ этимъ! Уже хотя бы по одному тому, что для чего, для кого медлить, для чего и для кого жертвовать собой?

— Скажите, родной, для кого? — горячо спрашиваетъ она, уставясь на меня. — Ужъ не для него-ли, который врядъ-ли и подозреваетъ, что у меня есть своя личная жизнь, свои личные радости и горести, которыми мнѣ во всемъ мірѣ не съ кѣмъ подѣлиться?

Не спуская съ меня глазъ, она пытается смѣяться, — вѣдь право же ея мужъ даже не челоѣкъ какъ будто, а нѣчто курьезное въ своей приверженности спать при малѣйшей возможности! Теребя на груди жемчужинку, она то откидывается къ спинкѣ кресла, то подается впередъ, кладя свою лѣвую руку на мое колѣно, и я слышу всѣ ея запахи, —

„Полно, дорогая, успокойтесь!“ — тяну ее къ себѣ. А она вдругъ закусываетъ нижнюю губу, быстро подноситъ къ губамъ платокъ, быстро пересаживается на диванъ и со слезами падаетъ головой на грудь ко мнѣ...

Возвращаюсь я во второмъ часу ночи. На улицахъ ни души, вѣтеръ перемѣнился, усилился и пахнетъ моремъ, въ лицо мнѣ иногда

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Талантъ и поклонникъ“.

дыханія, волосъ, тѣла, платья. Щеки ея теперь плачутъ, глаза прямо великолѣпны, движенія рѣзки, и на груди, на пальцахъ, въ ушахъ сверкаютъ драгоценныя камешки. А я все смотрю на ея круглящійся подъ бархатомъ животъ, на то, какъ она перекидываетъ нога на ногу, высоко показывая свой сѣрый, не туго натянутый чулокъ... И вдругъ понявъ, что настала наконецъ именно та минута, тайная надежда на которую и вела меня къ ней и не оставяла весь вечеръ, беру ея руку и, бормоча: —

падаютъ капли дождя. Облака уже не бѣлѣютъ вверху, густая чернота виситъ надъ Москвой. И я быстро иду впередъ, опять противъ вѣтра, иду какъ пьяный.

— Бѣжать, бѣжать, завтра-же! — неотступно стоитъ у меня въ головѣ. — Въ Кіевъ, въ Варшаву, въ Крымъ — куда глаза глядятъ!

Ив. Бунинъ.

Приморскія Альпы, 1925 г.

Земля Святой Ольги.

Уголь Латгаліи.

Рыжая кобылица Шурка забрасывает шипящий, блесный хвостъ на шлею.

Дорога твердая, глинистая.

На разсвѣтъ, въ вагонное стекло, я видѣлъ стога въ серебристой слюдѣ и поблѣвшій кустарникъ. На разсвѣтъ палъ зазимокъ.

А теперь солнце свѣтло бьетъ по крѣпкой дорогѣ. Точно-бы и не осень.

Тепло.

Копыта затоптали по настиламъ моста:

— Что за рѣка?

— Лада-рѣка.

Лада... Синяя древлянская Лада, можетъ-быть скотьяго Велеса-бога лебедь-подружка?

Легкіе, синіе повороты въ зеленой травѣ, а на томъ берегу, у самой воды, повалились русскія изгороди и желтѣютъ въ небѣ золотые шатры кленинъ надъ сѣрыми избами. Уже близко, на взгорьѣ, красный храмъ. Вотъ и Вышгородокъ, латгальская земля...

Теперь имя Вышгородку—Augšpils. Но это—такъ, на бумагѣ...

Вывѣска „трактиръ“, еще вывѣска „чайная“. Завалилась по скату широкая улица, бывшее шоссе Петербургъ-Рига, упирается краемъ въ синее небо, — какъ всѣ широкія русскія улицы.

Высокъ Вышгородокъ, а кирпичный его храмъ во имя Бориса и Глѣба еще выше, на самой макушкѣ... Augšpils... Еще въ 15 вѣкѣ стояли тутъ московскія царя Іоанна Васильевича рати. Держали на макушкѣ сторожевую государеву службу. Отъ нихъ и пошелъ Вышгородокъ.

Когда Стефанъ Баторій двинулъ на Псковъ польское войско, пернатое рыцарство, блестящихъ жолнеровъ,—у Вышгородскаго холма, на погостѣ, приказано было вѣшать псковскихъ мужиковъ, зачѣмъ не показали завѣтныхъ тропинокъ, слѣжинъ въ чащобѣ ко Пскову, брату молодшему господина Великаго Новгорода. Мужики—залѣшане крестились у пеньковыхъ петель и сами склоняли головы предъ палачомъ—

— „За домъ Пресвятыя Богородицы, за русскую землю“...

Такое преданье вышгородская вдова слышала отъ дѣдовъ...

По откосной дорогѣ поднимаюсь я къ Борису и Глѣбу. А со мной, въ шагъ, идутъ годы изгнанія — черные отъ копоты трюмы кораблей, прошивѣлые лагерные бараки, тифозныя палаты, кривые переулки Константинополя, Балканы, Берлинъ... Знаю я, какой горючей тоской давитъ тамъ русскія души: увидать бы Россію, какая она...

И вотъ случай привелъ меня на самый русскій рубежъ...

У церкви — изба звонаря. Сѣнцы покоились. Въ бревенчатой стѣнѣ забито тряпьемъ окно... Русь.

Вотъ и звонарь... Красная, темная рубаха выпущена изъ-подъ затасканнаго жилета. Круглая, съ просѣдью, борода, стриженъ въ скобку,

глазъ прищуренъ пристально, по мужичьи...

Гремятъ церковные ключи, вродѣ тѣхъ, что побѣжденные города подносили въ старину побѣдителямъ — узкая дверка на колокольню, деревянная лѣсенка — плечомъ трешь о стѣну—ступени въ голубиномъ пометѣ, сверху падаетъ тихій свѣтъ... Русь.

Съ колокольни — даль верстъ на сорокъ. Въ пролетахъ — ясная синева, внизу — золотыя вершины кленовъ, темная чаща погоста, а еще ниже — сѣрыя стрѣлы дорогъ и бурья, выстриженные пашни и лѣсистые холмы.

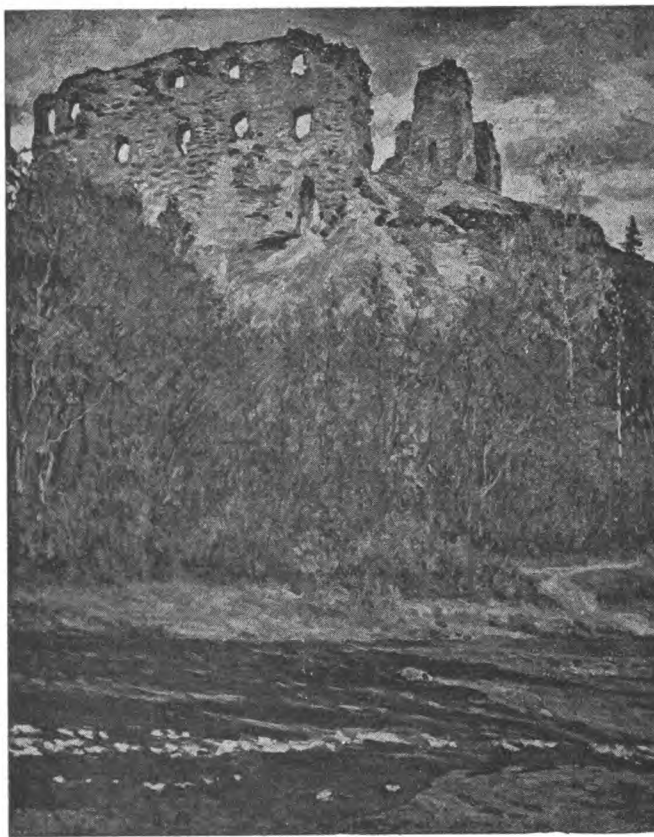
— Прямо глядѣть — городъ Островъ видать. Отседа верстъ съ тридцать...

У звонаря вѣтеръ мететъ волосы съ лица —

— А вотъ туды, по дорожѣ вишь, гдѣ мельница, — въ шести верстахъ, деревня Зарѣчье, на самой границѣ.

Ходитъ со мной звонарь отъ пролета къ пролету —

Тамъ Елени, а тамъ Дубки, вправо легла, какъ крутой ежъ, Святитская гора — она въ

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Развалины въ Кокенгузенѣ“.

Латвіи, а чуть подалѣ, за рѣкой Лжой, Гора Бѣсенятская, — она съ деревней Бѣсеняты за рубежомъ.

— Гдѣ бѣлая церква свѣтлѣетъ — деревня Гривы. А вотъ — Рѣшино, тоже въ Россіи...

Прометываютъ голуби, обдають свистомъ, свѣжестью. Сверкаетъ крыло. Вѣтеръ лѣтний, теплый, сырой, дуетъ съ Востока.

Надъ темнымъ краемъ лѣсовъ, уже надъ совѣтской землей, ходятъ высокія облака. И вѣтеръ — оттуда. Россія огромная, грузная, дышетъ близко въ синеватомъ туманѣ.

И нѣтъ шестидесяти верстъ, какъ уже Святые Горы, Опочка, сельце Михайловское...

Сельце Михайловское, гдѣ давно обгорѣлъ старинный пушкинскій домъ, а гранитный обелискъ надъ могилой расколотъ и въ зіяющихъ кирпичахъ виденъ, говорятъ, гробъ Пушкина. Тамъ на ржавыя рѣшетки, на гранитную плиту, въ осеннемъ запустѣннѣи, чутко падаетъ червонный, лапчатый листь, какъ и здѣсь... Близко за синѣющими поволоками тумана спитъ Пушкинъ, спитъ Россія. И я вижу ея небо огромное, тихое.

Приложишь ухо къ колокольному шатру, слышенъ шумъ, глубокое шептанье.

Я все хочу прочитатъ вязъ буквъ, литую узкую ленту на колоколахъ.

— Этотъ большакъ — нонѣшній, Рукавишниковы воздвигли — говоритъ звонарь — А вотъ древній... Подаетъ благовѣстъ чистый: серебро —

И удается мнѣ на этомъ маломъ, древнемъ колоколѣ разобратъ древнія, припавшія другъ къ другу; замысловатыя, узкія буквы:

— „Великаго князя Василія Ивановича Царя и Государя всея Руси“ —

Дальше буквы загигаютъ въ пролетѣ, въ синеву: туда не заглянешь.

Да, въ Augšpils, на звонницѣ Вышгородской, въ Республикѣ Латвійской, въ 1925 году, виситъ на стропилахъ древній колоколъ, — временъ Великой Смуты и Вора Гришки, — тотъ самый, что, можетъ быть, гудѣлъ и дрожалъ въ малиновомъ перезывѣ въ день вѣнчанья на царство Московское отрока Михаила...

Мы сходимъ внизъ, подъ гору, на улицу. А тамъ, охваченные просторомъ, стоятъ, какъ столбы, — отецъ Павелъ, учитель Михаилъ Дмитріевичъ, да „бѣженецъ“ полковникъ, а тутъ маларъ, — Евгенийъ Михайловичъ. Знакомимся.

Учитель въ буро-зеленой англійской шинели — съ лицомъ молодымъ, мягкимъ, въ пуху рыжей бородки.

— Край нашъ, Латгалія — говоритъ учитель — изученъ мало... Не то, что у латышей. У нихъ всѣ пѣсни народныя записаны, всѣ сказки.

Я рассказываю учителю, что въ рижскихъ газетахъ только и есть о Латгаліи — пьянство, поножевщина, драки.

— А вы сами посмотрите. Такъ, да не такъ... Тутъ Русь крѣпкая, настоящая...

Въ древнія самыя времена, великая Ольга княгиня, со варяги, держала, по преданію, ста-

новище свое у Изборска, такъ и крестилась, оттуда правила краемъ, тамъ будто и погребена „во санехъ“. И весь этотъ край — древняя земля Святой Ольги.

Я иду погостомъ къ обрыву за церковью. Крестъ съ наугольями, тѣснота, темный кропивникъ — ни надписи, ни лампы. Тишина...

А съ обрыва — далеко видны луга, едва тронутые желтизной, и перелѣски, и сѣрыя пятна одинокихъ избъ.

— Еще лѣтъ пятнадцать назадъ тутъ деревни были говорить мѣстный старожилъ, мой спутникъ — тамъ — Загровье, а поближе — Игнашки... Теперь, видите, отъ деревень и слѣда нѣтъ: на хутора разошлись. Такъ и по всему краю деревня умираетъ. Хуторянинъ слѣзъ... Вы наши хутора поглядите.

Въ тотъ же день рыжая Шурка подкатила къ дому въ Эмилово. Старый домъ — развалины стѣнъ, обугленная кладка печей: большевики сожгли. А живетъ хозяинъ Эмилова Иванъ Кирилловичъ въ кирпичномъ домѣ, напротивъ.

Когда я колесилъ на лошадахъ и пѣшимъ по уѣзду, и въ деревняхъ, и на хуторахъ, у совѣтской границы и туда, къ Витебщинѣ, въ Гаврахъ — всюду я слышалъ, съ какимъ уваженіемъ, покойнымъ и строгимъ, говорятъ объ Иванѣ Кирилловичѣ:

— Онъ въ нашихъ мѣстахъ первой началъ настоящее хозяйство заводить: шестиполье, сѣвооборотъ, машины, суперфосфатъ...

Иванъ Кирилловичъ лысый, сѣдой, въ домотканыхъ порткахъ, забранныхъ въ порыжѣлыя голенища, водить меня по фруктовому саду.

Листва осенняя, четкая, темная, — а яблоки, блестящія и румяныя, гнутъ вѣтви тяжелыми гроздьями до самой травы. И въ травѣ — яблоки, паль...

Чѣмъ то на Льва Толстого похожъ Иванъ Кирилловичъ. Глаза голубые, чуть на выкатѣ, дѣтскіе.

— Кальвиль вотъ хорошъ... А это нѣсколько вяжетъ: танину много.

Руки у него мужицкія, шаршавыя, въ темномъ загарѣ, а лицо свѣтлое. Когда-то онъ кончилъ реальное училище. Превыше всего любилъ земледѣльчество и сталъ агрономомъ-практикомъ. Отъ отца, крестьянина деревни Игнашки, досталось большое хозяйство. Онъ и поставилъ его... Революція, нѣмцы, большевики... Вернулся изъ эмиграціи послѣ большевиковъ: пепелище отъ хозяйства и домъ въ развалинахъ. Но пособили мужики, рода здѣшняго. Одинъ — коней далъ, другой — коровъ. Отыскались машины. Теперь Ивану Кирилловичу отрѣзана земля по закону и новое, малое его хозяйство уже на ногахъ.

И еще встрѣчи... Докторъ Сержповскій, мѣстный старожилъ, смуглый отъ загара, съ сѣдой эспаньолкой, похожій на француза. Сорокъ лѣтъ лечитъ всю округу... Отъ большевиковъ ушелъ. Вернулся, — все въ разореніи... Тоже помогли мужики. Одинъ далъ наголь-

ный тулупъ, другой — коня. И снова хозяйство стоитъ. И тихій домъ интеллигента — полонъ солнца, и расчищенъ яблонный садъ, и клумбы астръ у веранды... А Гавріиль Яковлевичъ, съ хутора Каменки, — невысокій, сѣроглазый, ладно сбитый — когда-то унтер-офицеръ, а теперь образецъ, крѣпкій хозяинъ — живой и умный представитель той рождающейся національной демократіи, которая когда-нибудь да возьметъ все въ свои руки.

Или Кузьма Осиповичъ, хозяинъ съ хутора Наумово-вдумчивый, лукавый, привѣтливый, толкующій о Библии и заграничной жизни. Курчавая голова, борода жесткой черни съ серебромъ, глаза горячіе и сильные, съ зелеными лѣшими огнями. Хозяйство его чистотой и порядкомъ напомнило мнѣ образцовыя хозяйства Германіи. А вѣдь грамотъ Кузьма Осиповичъ научился самъ, по-малости...

Или хуторъ Сорokino, гдѣ стоятъ еще бревенчатые срубы, выдавшіе крѣпостное право, — истовый его хозяинъ Иванъ Алексѣевичъ образомъ подобенъ богатырю Ильѣ Муромцу, — добродушный, мягкій, безхитростный, — и пятеро его богатырскихъ сыновей, и крестьянская мать — домоправительница Надежда Николаевна, и въ красномъ углу — образа въ чистыхъ полотенцахъ, съ краснымъ шитьемъ...

Впечатлѣнія набѣгаютъ, сталкиваются... Сѣрый валунъ при дорогѣ, сорока-бѣлобока, плавно летящая надъ пажитями, стрекотъ за-поздалаго кузнечика въ отавѣ — все темы для эмигранта, послѣ долгихъ лѣтъ увидаваго родное.

О чемъ разсказать? О деревнѣ-ли Темери, куда я попалъ въ праздничную, въ Святогорскую Божию Матерь, и куда завернулъ снова, проколесивъ шесть дней, а въ окнахъ избъ также розовато и тускло алѣлъ закатъ и ныла итальянка: на всю недѣлю запраздновали Темерцы...

А путешествіе Пешуровскаго дивана, а отысканное за много верстъ, кажется, въ Рѣжицѣ трюмо доктора Сержповскаго — вѣдь это живая исторія возстановленія пореформенныхъ хозяйствъ послѣ большевицкаго погрома...

А усыпальница бывшаго владѣтеля Емилово фонъ-Лайвенека... На опушкѣ глухой рощи — бѣлая часовня стила ампира... Кругомъ много деревь порублено ворами. Часовня разбита при большевикахъ... Стоитъ, бѣлая, подъ дремучими соснами, точно замучена:

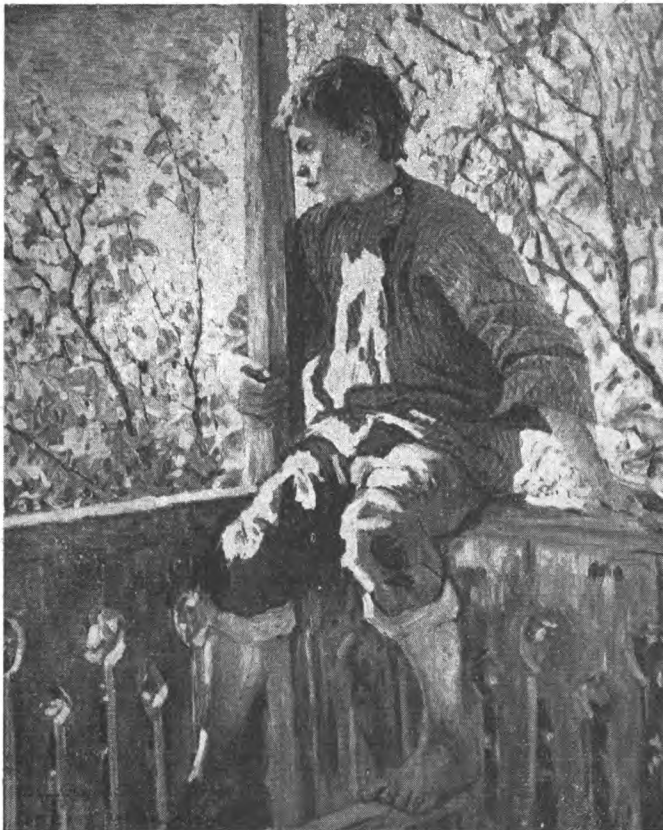
провалена крыша, въ стѣнахъ пробоины, взломаны дубовыя половицы и подъ ними, во тѣмъ склепа, видны груды гробовыхъ досокъ, кости табачнаго цвѣта, скалится черепъ...

Или о томъ разсказать, какъ въ Святогорскую, на погостъ Котовскомъ, въ зеленой церковкѣ Успенія Божьей Матери, за обѣдней, — бѣлѣлся налѣво храмъ, колыхался бѣлыми бабьими платками, точно плавно трепетала лебединая стая, а направо — темнѣлъ мужицкими спинами. И у аналоя, увитаго зеленью, въ духотѣ восковыхъ огней, старые попки въ старыхъ ризкахъ, гдѣ парча поломана и сучится золотая нитка — пѣли нестройно и радостно акафистъ Пречистой Господѣ Дѣвѣ Маріи —

— Радуйся Радости наша, покрій насъ отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ...

Выборные митинги съ „орателями“, съ жалкой грызней, угрюмая жажда земли въ обдѣленныхъ пограничныхъ деревняхъ, слухи о томъ, что „въ Совѣтской Россіи нынче по 40 десятинъ хуторянамъ нарѣзано“ и деревня Бороусье — одинъ край тутъ, въ Латвіи, другой, за рѣкой, — въ СССР. Близко, лица видать. Еще недавно огонькомъ дѣлились. Но за это тамъ пошли аресты и теперь — стоитъ пустой и хмурой совѣтская половина Бороусья. Баба выйдетъ на рѣку бѣлье полоскать, колотить валькомъ, а глаза поднять на латвійскую сторону боится...

— И вся Рассея нынче такая: приглушена, — захмурѣла — говоритъ мнѣ здѣшній чело-вѣкъ. — У насъ мужикъ ворчитъ, конечно, которому земли не прирѣзано, но надо прямо сказать — латышъ насъ не обижаетъ... Вы про то послушайте, какъ у насъ одинъ за пенсіей въ Питеръ ходилъ. Насквозь пѣшкомъ прошелъ. Такъ онъ вамъ скажетъ: горло тому перерву, кто будетъ врать, будто въ Рассеи мужику хорошо.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Мечтатель“.

Край еще въ глубокомъ движеніи. Но теперь это зыбь не революціи, а устроения.

И уже сквозить въ этомъ мирномъ гулѣ — лицо свѣтлое, сильное, то нетронутое, вѣчное лицо, которое не смыть никакой зыби. И думаешь, что та же здоровая крѣпость будетъ и въ Россіи, когда она, наконецъ, прояснѣетъ и что на томъ-же хуторянинѣ-мужикѣ, на хозяинѣ-земледѣльцѣ, вырастетъ и російская національная демократія, и російская мирная держава.

Но, конечно, эти черновыя замѣтки — не оцѣнка, не выводъ.

Хотѣлось бы только, чтобы русскіе въ Латвіи поближе узнали свой край, чтобы лѣтомъ возили туда русскія школы смотрѣть бодрья хозяйства, слушать чистую русскую рѣчь.

А мнѣ о чемъ рассказать? О яблочномъ-ли духѣ, легко и свѣжемъ, встрѣчавшемъ всюду. Я ѣздилъ, какъ Чичиковъ въ бричкѣ, по полямъ, деревнямъ, отъ „сѣраго дворянина“ къ „сѣрому дворянину“, только не мертвыя души искалъ, а живыя...

И въ сѣнцахъ избъ, и въ прихожихъ деревенскихъ гостинныхъ, на крепоновыхъ диванахъ и креслахъ, у оконъ, подъ солнцемъ, въ ящикахъ, на столахъ, на подзеркальникахъ — всюду румяныя, крѣпкія груды яблоковъ: урожай небывалый...

— И съ чего они уродились, даже понять нельзя — дивятся сами хозяева — дѣвать некуда...

И каждый день къ вечеру — оскомина, а съ утра — сочный хрустъ...

Или рассказать объ Анютѣ Блажной. Сорокъ ей лѣтъ, въ косицу веревочка вплетена. Покраснѣла, потупилась, когда мы съ товарищемъ вошли въ ея избу, оклеенную газетами. Потеряла разумъ въ годы войны и революціи. Болея тихой печалью за всѣхъ усопшихъ, за всѣхъ побитыхъ, замученныхъ, — Анюта, святая русская печаль...

Или о томъ, что Иванъ Алексѣевичъ на праздничную наварилъ 50 ведеръ пива, трехъ барановъ прирѣзалъ, да борова, да птицы не считано, — чтобы по древнему, стародавнему встрѣтить гостей, хотя самъ и не пьетъ...

Или о томъ, какъ часто я слышалъ отъ простыхъ мужиковъ новое слово „культура“. А у обѣдни видалъ сыновъ хуторянъ въ манишкахъ, въ городскихъ шляпахъ — чтобы смѣнить ихъ завтра въ тяжелой работѣ на дѣдовскіе „поршни“ и пойти либо на косьбу у плетнищъ, либо къ мочиламъ...

Русскіе въ Латвіи, кажется, дурно знаютъ свой край. Не записаны его пѣсни, сказки, живой говоръ — чудесный, величаво-старинный. А вѣдь въ деревнѣ Сунево живъ еще „сказатель“ Богатыревъ. Отъ него дошли до меня двѣ чудесныя сказки „О Нестеркѣ, у котораго дѣтей шестерко“ и „О Ванѣ-Ворѣ“.

И поютъ еще бабы свои древнія, долевыя пѣсни временъ былинъ, бояръ, сафьяновыхъ сапогъ и вѣчевого колокола.

Помню, къ вечеру, наша линейка, по размытымъ проселкамъ, шла на самый закатъ. Огромное небо тихо выходило навстрѣчу.

И слѣва было оно голубовато-холоднымъ, отлива жемчуга, точно бы тронутое прозрачнымъ льдомъ. И жемчужной каплей, тоненькимъ рожкомъ, вышелъ насъ встрѣтить молодой мѣсяцъ.

— Ишь, умывается — строго сказалъ нашъ возница Михаилъ.

А справа небо горѣло вишневымъ огнемъ. И легли надъ дальнимъ лѣсомъ, въ стыломъ пыланьи зори — двѣ синихъ тучи, точно два горбатыхъ, мягкихъ звѣря.

И я подумалъ, что такое небо, гдѣ свѣтлый мѣсяцъ встрѣчается съ краснымъ солнышкомъ, — бываетъ въ нашихъ сказкахъ...

И не тутъ-ли, по вечерней зарѣ, на проселкѣ и повстрѣчалъ мужикъ Нестерко, у котораго дѣтей шестерко, самого Егорія Святого.

„Повстрѣчалъ Нестерко Егорія Святого, а тотъ возьми и одари его своимъ златымъ стремнемъ, кованнымъ въ Божьей кузницѣ“...

Можетъ быть, и теперь полями, гдѣ дымятъ росы, у края тихаго неба, на высокихъ златыхъ стременахъ ѣдетъ дозоромъ по древней русской землѣ Егорій Хоробрый — латы — прозрачныя хрусталины и сквозить въ нихъ все небо и вся тишина...

Только вотъ мы не видимъ его.

Ив. Лукашъ.

ИНЕЙ.

Сердце инеемъ покрылось,
Какъ деревья въ бѣломъ паркѣ...
Все ушло... и все забылось...
Все забылось...

Сердце зимнимъ сномъ объято,
Но проснется ли весною?...
Встрепенется ль какъ когда-то?...
Какъ когда-то...

По лужайкамъ изумруднымъ
Пролетитъ ли вольной птицей?...
Нѣтъ... заснуло непробудно...
Непробудно...

Ольга Далматова.

ИЗЪ СЛАСТИ ИСКУСТВА

Мозжухинъ въ роли Бориса Годунова.

КЪ ГАСТРОЛЯМЪ А. И. МОЗЖУХИНА.

Проездомъ изъ Сов. Россіи на гастролі въ Запад. Европу и Америку, Ригу посѣтилъ извѣстный басъ А. И. Мозжухинъ. Вся мѣстная печать отмѣтила, что и въ вокальномъ, и въ сценическомъ отношеніяхъ гастролеръ, выступившій въ Нац. оперѣ въ партіяхъ Мефистофеля („Фаустъ“) и Донъ-Базиліо („Севильскій Цырюльникъ“) является первокласснымъ артистомъ.

Послѣ оперы артистъ выступаетъ въ двухъ своихъ и Lieder-abend'ахъ составленныхъ исключительно изъ русскихъ классиковъ, причемъ партію рояля исполняетъ постоянная спутница Мозжухина талантливая артистка Клео Карина.

Отмѣтимъ, что въ Петербургѣ г. Мозжухинъ основалъ об-во любителей камерной музыки, председателемъ котораго онъ состоитъ и понынѣ.

Талантливый артистъ недавно закончилъ годовое турнѣ по Китаю и Японіи, сопровождавшееся повсюду шумнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ.

Мозжухинъ въ роли Мефистофеля.

Желаемъ ему успѣха и въ новомъ предпріятіи.

Непосредственно изъ Риги А. И. Мозжухинъ направляется въ Скандинавію: съ Риги онъ началъ объѣздъ прилегающихъ къ Балтійскому морю странъ.

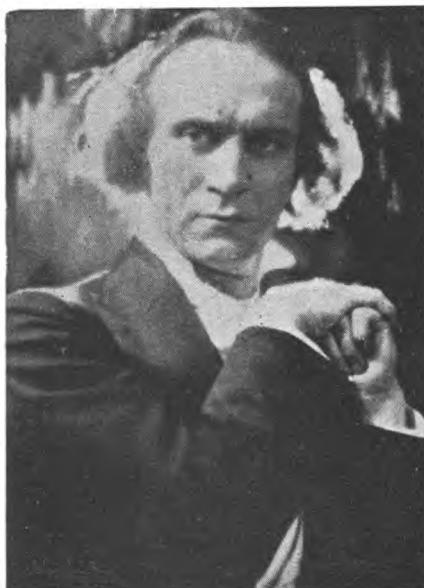
Съ репертуаромъ Шаляпина — А. И. Мозжухинъ смѣло можетъ выступить и въ Европѣ, и въ Америкѣ, — гдѣ такъ хорошо знаютъ Шаляпина, — и не бояться сравненій съ знаменитымъ пѣвцомъ — и въ вокальномъ, и вообще артистическомъ отношеніи А. И. Мозжухинъ стоитъ „въ версту“ Шаляпину.

КЪ КОНЦЕРТУ В. Л. ПАСТУХОВА.

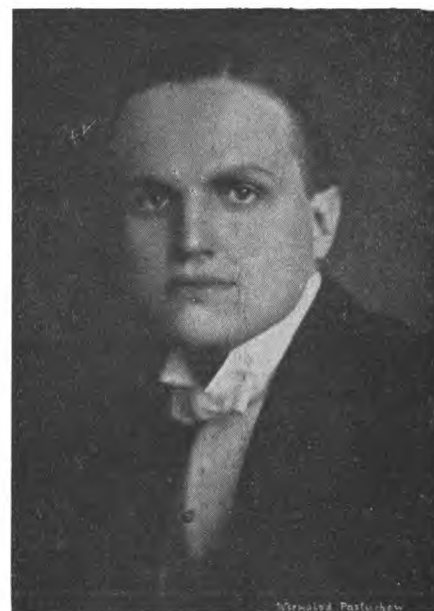
Всеволодъ Леонидовичъ Пастуховъ извѣстенъ не одной Ригѣ, гдѣ онъ пользуется репутаціей не только выдающагося піаниста-виртуоза, но и прекраснаго педагога. Во время своихъ гастрольныхъ выступленій въ Парижѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ музыкальных центрахъ онъ всегда имѣлъ, какъ отмѣчала печать, солидный успѣхъ. Нашъ талантливый молодой піанистъ, кончившій петроградскую консерваторію въ 1917 году, считается однимъ изъ лучшихъ исполнителей новѣйшихъ французскихъ композиторовъ, хотя ему прекрасно удаются и классики, особенно Шопень.

Клео Карина.

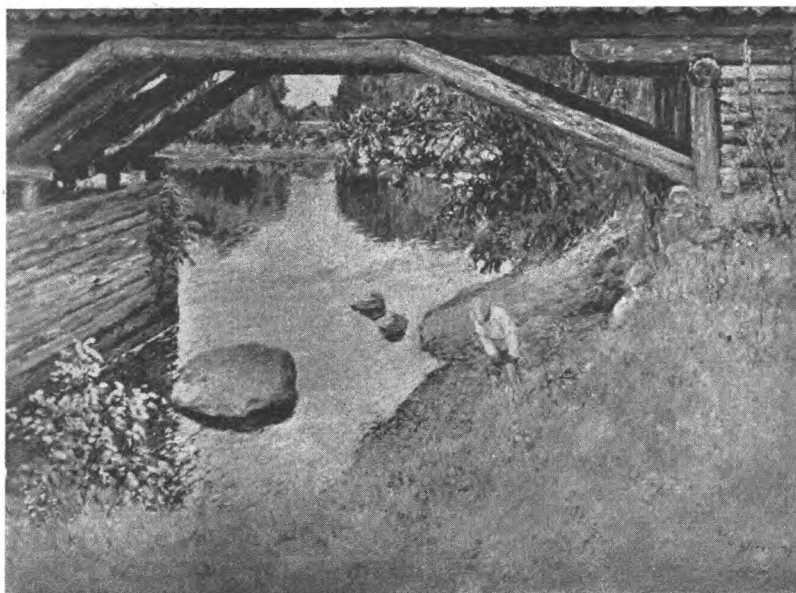
А. И. Мозжухинъ.

В. Л. Пастуховъ.

К. С. Высотскій.

К. С. Высотскій.

„Рѣчка Рѣжица“.

КОНСТАНТИНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВЫСОТСКІЙ.

Къ закрытію выставки его картинъ въ Рижскомъ городскомъ музеѣ.

Работая нѣкоторое время въ Латвіи, К. С. Высотскій успѣлъ завоевать общія симпатіи рижанъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ рядъ заказныхъ портретовъ и распроданныхъ картинъ на его первой выставкѣ въ Городскомъ музеѣ.

Въ Россіи К. С. памятенъ по нѣкоторымъ выставкамъ Товарищества Передвижниковъ, гдѣ онъ участвовалъ экспонентомъ, и по выставкамъ Московскаго Товарищества Худож-

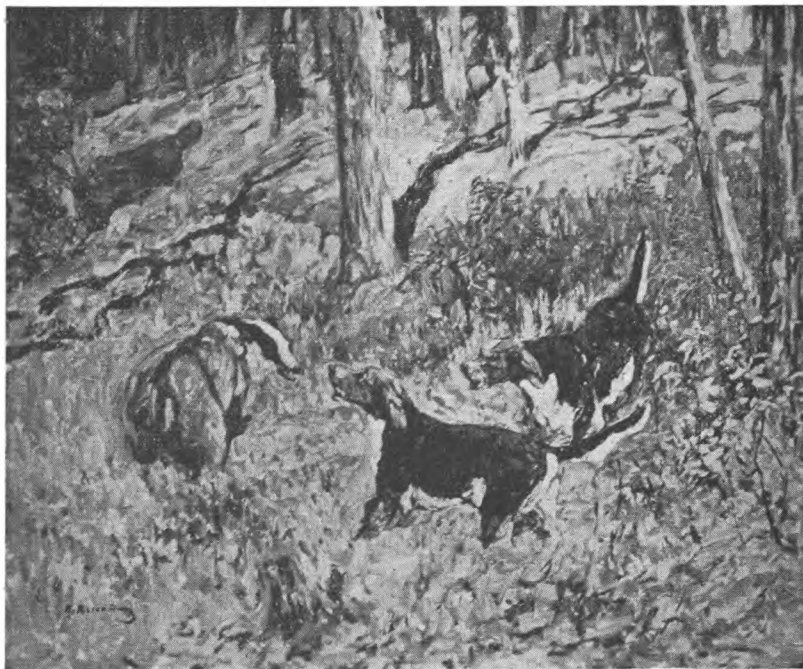
никовъ. Его работы встрѣчаемъ и въ галлереяхъ и въ частныхъ собраніяхъ: Московская Городская галлерея им. Цвѣткова — „Послѣ пирушки“, собраніе карт. Рябушинскаго — „Ревъ лося“, „Бѣлая потѣха“ и др.

К. С. Высотскій принималъ участіе также и въ украшеніи Русской книги — иллюстраціи къ разсказамъ Мамина-Сибиряка и къ „Капитанской дочкѣ“ въ изд. Мамонтова и множество рисунковъ въ охотничьихъ журналахъ.

Уже въ началѣ художественной дѣятельности К. С. Высотскаго намѣчается уклонъ къ изображенію міра животныхъ. Въ дальнѣйшемъ художникъ посвящаетъ себя этой области, а также и пейзажу. Будучи страстнымъ охотникомъ, К. С. Высотскій имѣетъ возможность тонко изучать, наблюдать и подмѣчать характерныя особенности жизни охотниковъ, а также и міра животныхъ.

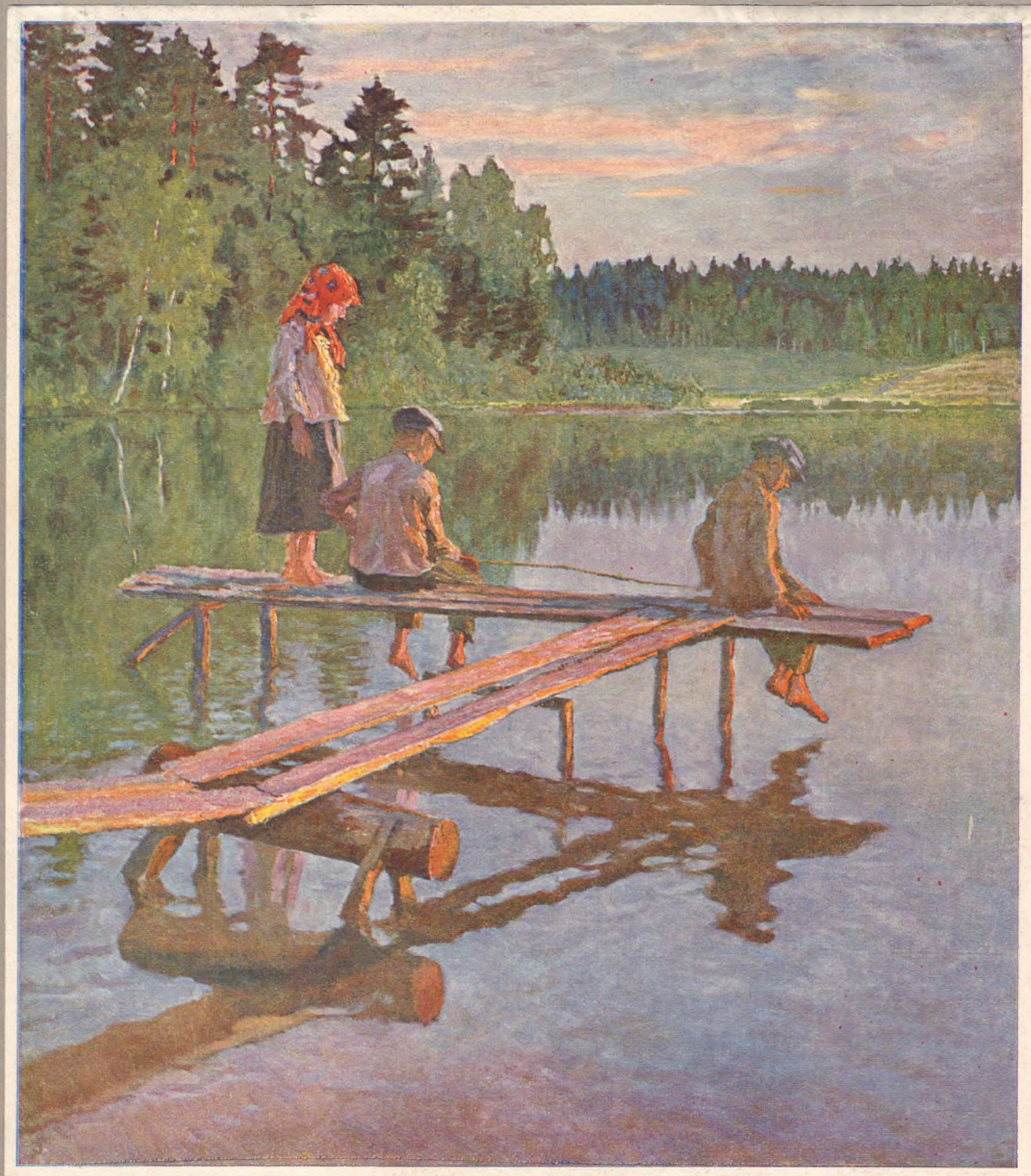
Этимъ и объясняется продуманность его картинъ, въ названномъ жанрѣ.

Кромѣ сценъ изъ быта животныхъ, художнику хорошо удаются также и пейзажи — особенно съ животными, которыя, не играя самостоятельной роли, являются только какъ бы частью пейзажа. Будь то поджидающая добычу на берегу темно-илистой рѣчки, съ отблескомъ синяго неба, коричнево-сѣрая-выдра, или прокрадывающаяся желто-бурая въ зеленой

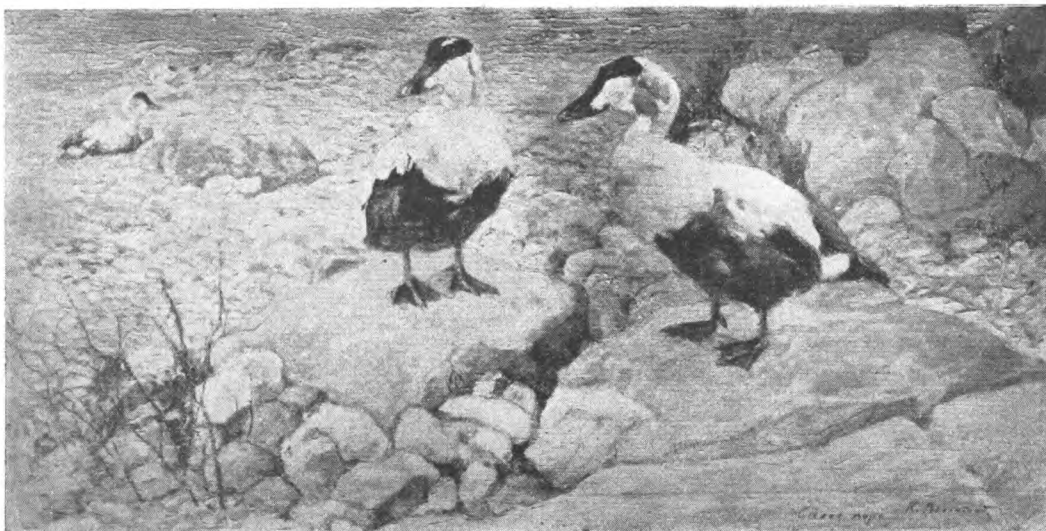
К. С. Высотскій.

„Барсукъ и англійскія гончія“

АКАДЕМИКЪ Н. П. БОГДАНОВЪ-БѢЛЬСКІЙ.

„ВЕЧЕРЪ“.

К. С. Высотскій.

„Бѣломорскія гаги“.

лѣсной чащѣ лисичка, или темно-коричневый расхититель муравьиныхъ гнѣздъ — медвѣжонокъ, всѣ они являются интереснымъ пятномъ, какъ бы аккордомъ контраста въ общей симфоніи красочнаго построения пейзажа.

По существу своей живописи примыкая къ академическому реализму съ нѣкоторыми элементами импрессионизма, К. Ст. остается вѣрнымъ завѣтамъ доброй старой школы, и, стоя въ сторонѣ отъ всякихъ новшествъ, побѣждаетъ своей искренностью. Его палитра — свѣжа, солнечна; рисунокъ — ясенъ, правдивъ.

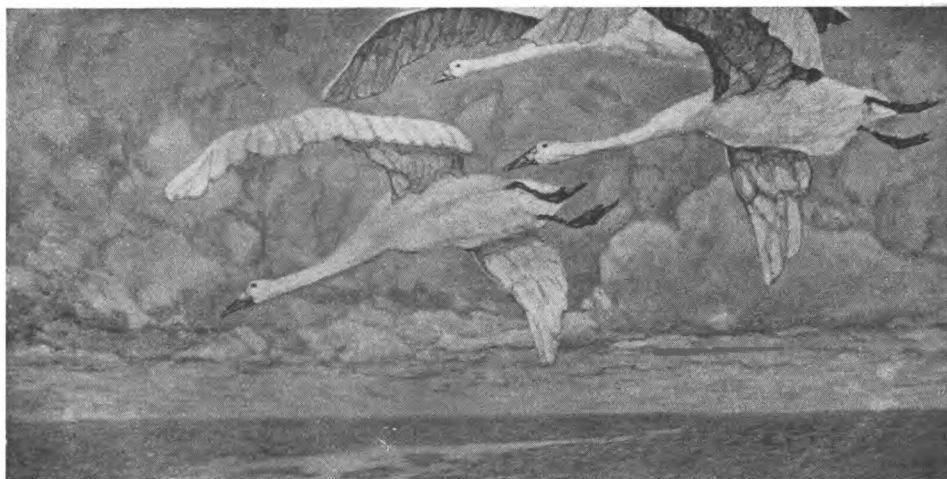
На выставкѣ въ Городскомъ музеѣ были выставлены, кромѣ міра животныхъ и охотничьихъ сценъ, пейзажи, портреты и головы латгальскихъ старообрядцевъ.

Говоря о послѣднихъ, надо замѣтить, что это еще непочатый въ

К. С. Высотскій.

„Генераль Топтыгинъ“.

К. С. Высотскій.

„На родину“.

смыслѣ живописи матеріалѣ. Судя по выставленнымъ немногимъ головамъ, художникъ сумѣлъ проникнуться и подойти къ своей задачѣ. Вѣрится, что исканія въ этомъ направленіи, къ слѣдующей выставкѣ принесутъ много неожиданно-пріятнаго, ибо трудолюбивый, вдумчиво-тихій талантъ К. С. Высотскаго лучшая гарантія этому.

А. Пранда.

ЛАТВІЯ.

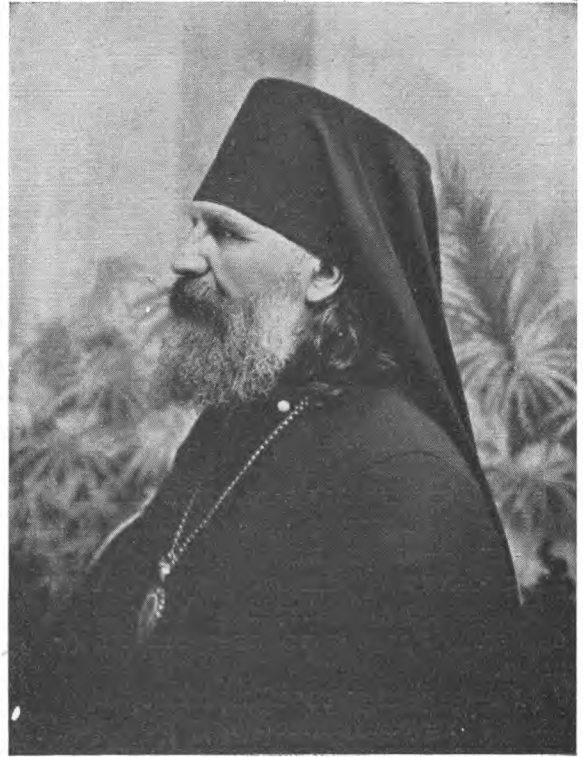
Къ выборамъ въ Сеймъ.

На только что закончившихся выборахъ русскіе провели въ Сеймъ 5 депутатовъ (противъ 3 депутатовъ въ первомъ Сеймѣ), и въ ихъ числѣ по списку православныхъ и объединенныхъ русскихъ организацій прошелъ въ Сеймъ глава Латвійской православной церкви Архіепископъ Іоаннъ.

Архіепископъ Іоаннъ — родомъ изъ Лифляндскихъ крестьянъ, род. въ 1876 г., окончилъ Рижскую дух. Семинарію и Кіевскую дух. Академію; на послѣднемъ курсѣ академіи принялъ монашество.

Народный учитель (по окончаніи Семинаріи до поступленія въ Академію), преподаватель Черниговской дух. Семинаріи, инспекторъ Вологодской, ректоръ Литовской, съ 1912 г. — епископъ, занимавшій рядъ кафедръ до Архіепископской кафедры въ Пензѣ включительно и, наконецъ, съ 1921 г. глава Латв. православной церкви — вотъ вѣхи жизненнаго пути Высокопреосвященнаго.

Владыка пользуется исключительной популярностью и въ латышскихъ и въ русскихъ кругахъ.

Архіепископъ Іоаннъ,
глава Латвійской православной церкви.

Къ 45-лѣтію русской студенческой корпораціи „Fraternitas arctica“.

Старѣйшая изъ немногочисленныхъ русскихъ студенческихъ корпорацій, рижская „Fraternitas arctica“ 7 ноября отпраздновала 45-лѣтній юбилей своего существованія.

Представляя собой объединеніе не только студентовъ, но и всѣхъ кончившихъ курсъ членовъ корпораціи, „Сѣверное Содружество“ играетъ видную роль и въ общественной жизни Риги. Понятно поэтому, что поздравить юбиляра явились депутаты Сейма, многочисленные представители всѣхъ русскихъ общественныхъ организацій въ Ригѣ, латышскихъ и нѣмецкихъ корпорацій и гости

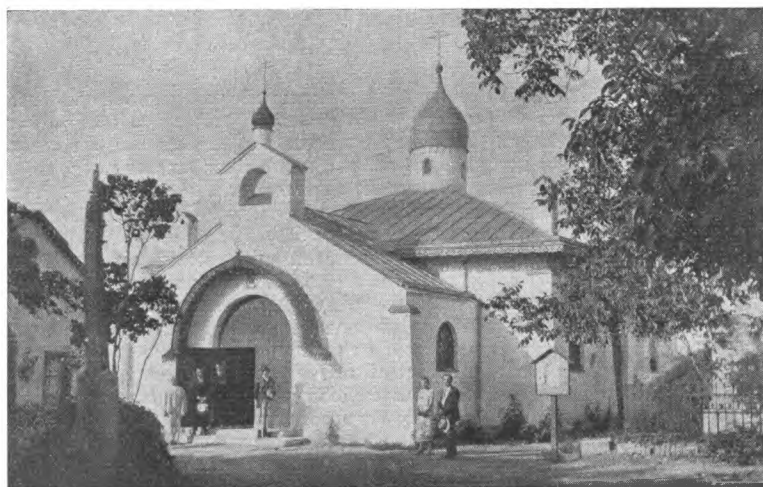
Новый православный храмъ въ Прагѣ.

изъ-за границы (представители русскихъ студенческихъ корпорацій въ Прагѣ, Ревелѣ и Дерптѣ).

Юбилейный актъ открылся молебномъ, отслуженнымъ Преосвященнымъ Іоанномъ, сказавшимъ и прочувствованное слово. Послѣ привѣтствій, на которыя отвѣчали члены конвента корпораціи—гостямъ было предложено угощеніе, а вечеромъ въ помѣщеніяхъ „Арктики“ состоялся ужинъ („коммершъ“), прошедшій съ большимъ подъемомъ. Подъ пѣніе корпорантскихъ и русскихъ студенческихъ пѣсень, любезные хозяева и гости продѣлали традиціонный обрядъ клятвы на мечѣ, что внесло еще болѣе сердечности и теплоты въ этотъ симпатичный праздникъ.

ЮГОСЛАВІЯ.

РУССКІЯ ЗНАМЕНА ВЪ ИЗГНАНІИ.

Храмъ Св. Троицы въ Бѣлградѣ.

Въ прошломъ году на средства, собранныя среди русскихъ бѣженцевъ, въ Бѣлградѣ былъ воздвигнутъ православный храмъ, (торжественное освященіе котораго состоялось 20-го декабря 1924 г.).

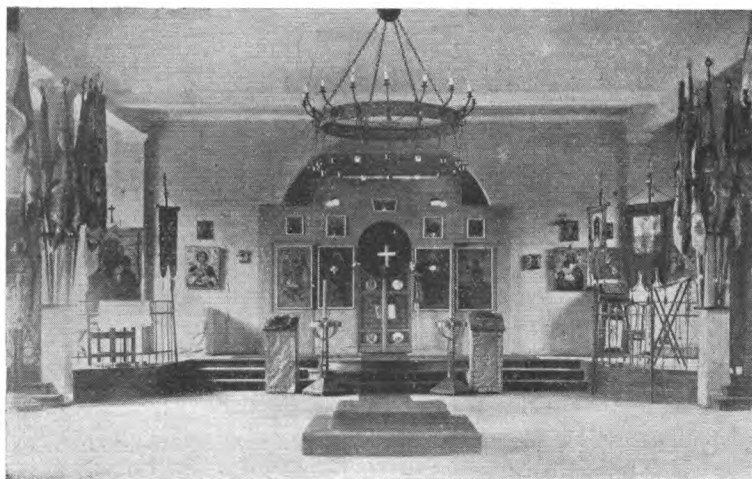
Въ маѣ с. г. въ храмъ были переданы и размѣщены 240 знаменъ и регалій нашей многострадальной доблестной арміи. Знамена установлены въ храмъ въ строгой системѣ, съ названіемъ каждой воинской части и отличій. Въ скромномъ храмѣ на чужбинѣ нашли пріютъ и сѣдыя знамена царствованія царя Алексѣя Михайловича, и императорскія знамена бывшей Россіи, и добровольческія. По ночамъ почетную охрану знаменъ и регалій несетъ офицерство, не взирая на чинъ, возрастъ и далеко не легкій дневной трудъ.

До окончанія постройки храма русскіе пользовались отведенной имъ сербскимъ духовенствомъ капеллой при церкви Св. Марка, маловѣстительной.

Очень часто службы отправлялись на волѣ около церкви, подъ столѣтнимъ орѣховымъ деревомъ, среди древнихъ могилъ и забытыхъ населеніемъ памятниковъ.

Картина незабываемая по своей простотѣ и неизгладимому впечатлѣнію.

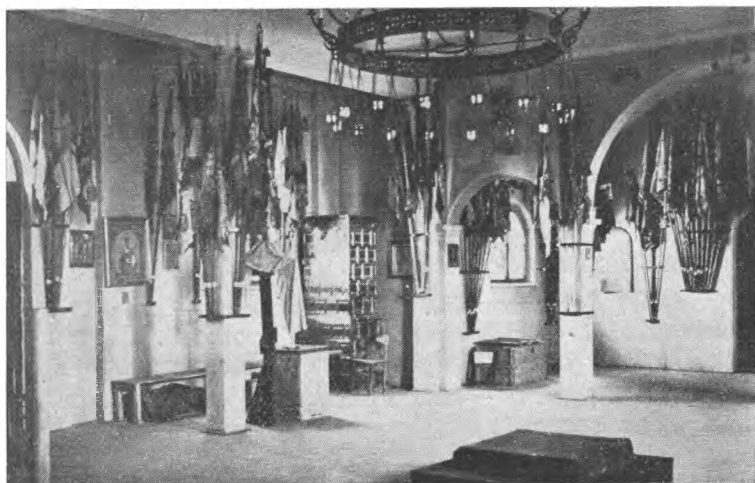
Внутренность храма — со знаменами.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ.

Недавно законченъ постройкой храмъ въ Прагѣ, воздвигнутый на пожертвованія русскихъ эмигрантовъ и братскаго чешскаго народа.

Дѣятельное участіе въ сборѣ средствъ на сооруженіе этого храма принимали извѣстный чешскій политическій дѣятель К. П. Крамаржъ и его супруга, энергіи которыхъ русская колонія и обязана осуществленію плана и завершенію постройки. Послѣдняя была начата объединенными усиліями студенческихъ русскихъ организацій, по приглашенію которыхъ ежедневно на постройку являлись добровольцы и сту-

денты и выполняли всѣ работы. Храмъ воздвигнутъ на православномъ Ольшанскомъ кладбищѣ, гдѣ находятся могилы многихъ членовъ пражской русской колоніи — проф. П. И. Новгородцева, А. Т. Аверченко, пр.-доц. Садовскаго и др. Отраднo, что осуществленіе святого начинанія, объединило разбитую по политическимъ группамъ русскую колонію.

Въ настоящее время усиленно ведутся работы по внутренней отдѣлкѣ храма и недалеко то время, когда русскіе въ Прагѣ, будутъ имѣть свой храмъ. Храмъ строится въ стилѣ старинныхъ русскихъ храмовъ (псковскіе храмы 16 столѣтія...).

Рисунокъ храма помѣщенъ на предыдущей страницѣ.

РУССКАЯ КНИГА

„Временникъ Общества Друзей Русской книги“.
Выпускъ первый. Парижъ. Изд. Поволоцкаго.
1925. г. Стр. 100.

Для любителей книги упомянутый сборникъ является въ высшей степени цѣнной и интересной новинкой.

Редакція „Временника“ задалась цѣлью про-извести описаніе тѣхъ русскихъ книжныхъ бо-гатствъ, которыя находятся внѣ предѣловъ Россіи въ многочисленныхъ частныхъ, обще-ственныхъ и государственныхъ книгохрани-лищахъ.

Въ первомъ выпускѣ „Временника“, который будетъ выходить два раза въ годъ, собранъ рядъ прекрасныхъ статей, написанныхъ очень сжато, хотя и достаточно полно. Въ этихъ статьяхъ положеніе русской книги за рубежомъ рисуется очень наглядно и исчерпывающимъ, видимо, образомъ.

Сотрудниками „Временника“ являются С. Ма-ковскій (Четверть вѣка русской графики“), М. Алдановъ, С. Минцловъ и другіе извѣстные писатели и художники.

Заслуживаетъ особаго вниманія статья Д. „Кризисъ русскаго книжнаго дѣла въ Германіи“, изображающая печальное положеніе русскаго книгоиздательства въ Германіи въ настоящее время.

Отмѣтимъ, что „Временникъ“ отпечатанъ всего въ количествѣ шестисотъ экземпляровъ.

И. Н.

Современныя Записки. Кн. XXV. Парижъ, 1925 г. стр. 570.

„Современныя Записки“ даютъ читателю въ изобиліи, какъ беллетристическій, такъ и историческій матеріалъ.

Въ книгѣ XXV мы встрѣчаемъ рядъ извѣстныхъ именъ: Ив. Шмелевъ (разсказъ „Каменный вѣкъ“), А. Ремизовъ („Сережа“), М. Алдановъ (отрывокъ изъ историческаго ро-мана „Чортовъ мостъ“), Ф. Степунъ (окончаніе повѣсти „Николай Переслѣгинъ“), Бор. Зайцевъ („Побѣжденный“) и др.

Г. Зайцевъ съ присущимъ ему мастерствомъ рисуетъ образъ покойнаго поэта Блока.

Изъ статей мемуарнаго характера очень интересны вос-поминанія извѣстнаго адвоката О. Грузенберга. Бывшее петербургское свѣтило рисуетъ рядъ случаевъ изъ дѣятель-ности военнаго суда во время войны. Съ совершенно исклю-чительной симпатіей г. Грузенбергъ изображаетъ личность бывшаго главнаго военнаго прокурора А. С. Макаренко,

всегда стоявшаго на стражѣ закона и справедливости. Любо-пытно, что въ настоящее время, какъ отмѣчаетъ авторъ вос-поминаній, г. Макаренко служить въ небольшомъ городкѣ Югославіи писцомъ въ мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ.

В. И. Талинъ въ статьѣ „Дѣло ума не требующее“ при-водитъ рядъ интересныхъ фактическихъ данныхъ относи-тельно „воспитанія“ совдепскихъ дѣтей — „піонеровъ“... Большой процентъ руководителей піонерскихъ состоитъ изъ комсомольцевъ, а по словамъ самихъ большевиковъ (отзывъ Бухарина на партійномъ съѣздѣ) среда комсомольцевъ бле-щеть невѣжествомъ и моральной распушенностью — и та-кимъ-то руководителямъ отдаются несчастные „піонеры“... Въ результатѣ мы видимъ жуткую и безотрадную картину калѣченія дѣтской души съ самаго ранняго возраста.

Въ журналѣ, судя по его содержанию, не замѣчается не-терпимости въ отношеніи инако мыслящихъ. Это обстоя-тельство, конечно, является большимъ плюсомъ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ — Преподобный Сергій Радо-нежскій. Парижъ 1925 г.

Небольшая книжка эта написана съ удивительной задум-чивостью и производитъ очень сильное впечатлѣніе. Автору удалось ярко, образно и увлекательно нарисовать образъ Преподобнаго Сергія, этого подвижника и христіанина въ самомъ высокомъ смыслѣ слова.

Въ теченіе своей долгой отшельнической жизни онъ всегда избѣгалъ всякихъ почестей и училъ народъ не про-повѣдями, не словами, но, какъ удачно выражается Зайцевъ, „тихимъ дѣланіемъ“, служа живымъ и нагляднымъ примѣ-ромъ для каждаго, стремящагося жить по заповѣтамъ Христа. „Прохлада, выдержка и кроткое спокойствіе, — какъ объясняетъ авторъ, — создали этотъ единственный образъ. Сергій глубочайше русскій и глубочайше православный“.

Упомянутый трудъ г. Зайцева каждымъ русскимъ, любя-щимъ свою родину, русскую исторію и русскую культуру, будетъ принятъ съ величайшимъ интересомъ.

И. Нолькенъ.

Книжный магазинъ

В. Романовскаго

РИГА, Вальдемар 17, тел. 46-70.

Книги по всѣмъ отраслямъ знаній.

Регулярное поступленіе всѣхъ новинокъ. Большой выборъ книгъ довоенныхъ изданій.

При магазинѣ **постоянная выставка** картинъ. Периодическія выставки отдѣльныхъ художниковъ.

Покупка книгъ довоенныхъ изданій, картинъ, ми-ниатюръ и пр. предметовъ искусства.

Р. S. Наивысшія цѣны плачу за книги по иску-ству: монографіи художниковъ, журналы, иллюстри-рованные каталоги картинъ, галлерей, музеевъ и выставокъ.

„Перезвоны“ № 3 выходятъ 21 ноября.

Содержаніе: Стихи — К. Д. Бальмонта, О. Далматовой... И. С. Шмелевъ — „Пѣсня“. Н. А. Тэффи — „Маркита“. Вл. Ладыженскій — „Изъ альбома Жиронды“. Проф. Н. И. Мишеевъ — „М. В. Нестеровъ“. „По бѣлу свѣту“. „Русс. книга“. „Искусство“.

Въ иллюстраціяхъ — картины Нестерова М. В., двѣ — въ краскахъ: „Видѣніе св. Зосимы“ и „Двѣ сестры“.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ДѢТСКИЙ МІРЪ.

1.

СЪ РЕБЕНКОМЪ.

Я съ ребенкомъ говорилъ
Много нѣжныхъ пустячковъ,
Въ Солнцѣ много щедрыхъ силъ,
Старшимъ, младшимъ пиръ готовъ.

Въ перелѣсокъ загляни,
Тамъ улыбка чьихъ-то устъ.
Тамъ зеленые огни,
Земляники красный кустъ.

Возлѣ нивы полежи,
Тамъ кузнечикъ цѣлый часъ
Будетъ прыгать вдоль межи,
Будетъ пѣсней тѣшить насъ.

А потомъ пойдемъ на лугъ,
Травки вьются тамъ узломъ,
Тамъ касатка чертитъ кругъ
Перемѣнчивымъ крыломъ.

А когда захочешь спать,
Солнце глянетъ и зайдетъ.
Сновъ намъ будетъ благодать,
Сны, тягучіе какъ медъ.

2.

ГНѢЗДО.

Мнѣ въ дѣтствѣ говорили: Гнѣздо-какъ колыбель.
Тамъ птичій малый домикъ, пушистая постель.
Тамъ птичка на яичкахъ сидитъ, сидитъ, пока
Не хрустнутъ всѣ скорлупки, какъ чашечка цвѣтка,

Цвѣтокъ-сперва въ бутонѣ, въ цвѣточной почкѣ онъ.
 Тихонько хрустнеть дверка, цвѣточный слышенъ звонъ.
 И, если не касалась рука до стебелька,
 Сіяетъ нѣжнымъ цвѣтомъ намъ чашечка цвѣтка.

Изъ хрустнувшихъ скорлупокъ пробились три птенца.
 Для матери работа, работа для отца.
 Ловить имъ нужно мошекъ, — пищитъ онъ, желтый ротъ,
 И сколько мошекъ въ мірѣ, онъ всѣ въ себя вберетъ.

Потомъ летаютъ крылья. И птичекъ было двѣ,
 Теперь ихъ пять, проворныхъ, съ хохломъ на головѣ.
 А въ горлѣ столько звуковъ, что, пѣніе любя,
 О, гнѣздышко, я въ дѣтствѣ не раззорялъ тебя.

3. ГУСЛИ.

Отъ ласточки до соловья
 Вся повѣсть малая моя.
 Весну касатка начинаетъ,
 А соловей конецъ ей знаетъ.

Съ касаткой первой, въ первый громъ,
 Парнымъ умойся молокомъ,
 И будешь бѣлъ, не будешь лишній
 Предъ дѣвой, подъ цвѣтущей вишней.

Гнѣздо, въ которомъ малымъ рай,
 У ласточки не раззоряй.
 Не то прильнуть къ тебѣ веснушки,
 Смѣяться будутъ и дурнушки.

Когда засвищетъ соловей,
 Вникай въ ту пѣсню, ввѣрься ей.
 Но есть и лѣшева въ ней дудка,
 Не слѣдуй, это злая шутка.

Юлиная есть стукотня,
 Не слѣдуй ей, пойми меня.
 Но сердцемъ слушайся раската,
 И счастье расцвѣтетъ богато.

И есть кукушкинъ перелетъ
 Въ той пѣснѣ, что любви поетъ.
 Не слѣдуй мудрости кукушки,
 И не играй въ любви въ игрушки.

По соловьиному запой
 До самой выси голубой.
 И знай, что святость гнѣздъ — дорога
 До звѣздъ, до Солнца, и до Бога.

В. М. Васнецовъ.

„Послѣ побоища“.

Богатыри святорусскіе.

Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.

(Продолженіе).

Приздумался удалый Илья Муромецъ;
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Бхати дорожкой окольною;
Ужъ поѣду-ка дорогой прямоѣзжею“.
Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли —
Какъ поѣхалъ тутъ удалый, добрый молодецъ
Неокольною дорожкой, прямоѣзжею;
Бралъ во руку плѣточку шелковенькую
Вынуждалъ коня скакать всей силушкой ве-
ликою.

Осердился добрый богатырский конь,
Съ горы на гору перескзываетъ,
Съ холма на холмъ перемахиваетъ,
Мелки рѣченьки, озерки промежъ ногъ про-
пускаетъ.

Скачетъ прямо къ Соловину гнѣздышку.
Издали услыхалъ добра молодца
Соловей-разбойникъ сынъ Одихмантьевичъ:
„А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
Мимо моего гнѣзда Соловьиного?“
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному;
Зашипитъ да по-змѣиному,
Закричитъ да по-звѣриному, —
Мать-сыра земля вся дрогнула,
Всѣ то травушки-муравы заплетались,
Всѣ лазоревы цвѣточки поосыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ приклонилися.

А Илья богатырь на конѣ сидитъ, не сворохнется.
Вынулъ онъ изъ налучника свой тугой лукъ,
Натянулъ тетиву шелковую,
Наложилъ стрѣлу каленую.
Самъ стрѣлъ то приговариваетъ;
„Ты лети-ка стрѣла, да не въ темный лѣсъ,
Ты лети-ка стрѣла, не во чисто поле,
Ты пади-ка Соловью-разбойнику въ правый
глазъ,

Вылетай-ка въ ухо лѣвое“.
Полетѣла стрѣла каленая
Въ правый глазъ Соловья-разбойника,
Въ ухо лѣвое она вылетѣла;
Не убила до смерти разбойника,
Поразила только, повалила съ ногъ;
Покатился со гнѣзда онъ, какъ овсяный снопъ.
Подхватилъ его Муромецъ на руки,
Наложилъ ему петлю на буйну голову,
Пристегнулъ его той петелькой ко стремени
И повезъ его по лѣсамъ, полямъ, по горамъ,
Въ Кіевъ-стольно-градъ ко Владимиру.
Въ стольномъ городѣ ѣдетъ Муромецъ
На дворъ княжескій ко палатамъ каменнымъ,
Привязалъ онъ коня у крыльца къ золотому
кольцу,

Дверь въ палаты открылъ
И шелъ въ гридню княжескую,

Положилъ крестъ по писанному,
 Всѣмъ иконамъ святымъ поклонился,
 Князю-солнышку со княгинею особенно.
 Говоритъ ему Владиміръ стольно-кѣвскій:
 „Здравствуй, удалой добрый молодецъ!
 Изъ какой земли и зовутъ тебя какъ по имени,
 Величаютъ какъ по отчеству?“
 Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
 „Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Я изъ славнаго города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Я привезъ тебѣ Соловья-разбойника“.
 Всталъ тутъ князь стольно-кѣвскій,
 Вышелъ онъ со княгинею на широкій дворъ
 Посмотрѣть на Соловья, на разбойника.
 Вышли съ нимъ на дворъ княжескій
 Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Богатырь Суханъ Дементьевичъ,
 Богатырь Добрыня Никитичъ со Алешею По-
 повичемъ,

Съ ними семь братьевъ Сбродовичей,
 Да князья всѣ со боярами.
 Какъ увидѣлъ ихъ Соловей Одихмантьевичъ,
 Засвисталъ, зашипѣлъ, закричалъ во всю мочь;
 Отъ того отъ посвисту соловьяго,
 Отъ того отъ пошипу змѣинаго
 Отъ того отъ покрику звѣринаго —
 Маковки на теремахъ покривились,
 Стеклашки во оконницахъ полопались,
 Со двора всѣ кони разбѣжались,
 Всѣ князья со боярами пали замертво.
 А Илья богатырь святорусскій
 Раздробилъ злодѣю грудь, приговаривая:
 „Полно тебѣ шипѣть—кричать по звѣриному
 Полно тебѣ слезить отцовъ, матерей,
 Полно тебѣ сиротить малыхъ дѣтушекъ“.
 И сказалъ Ильѣ Владиміръ стольно-кѣвскій:
 „Благодарствую, удалый Илья Муромецъ,
 Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя,
 Будь ты первый богатырь въ стольномъ Кіевѣ
 И живи у насъ отнынѣ и до вѣку“.
 (Окончаніе).

Скачущія кошки и собаки.

Головоломка № 1.

Передъ вами три кошки и три собаки, скачущія съ шарика на шарикъ, какъ въ циркѣ.

Сколько прыжковъ нужно сдѣлать собакамъ и кошкамъ для того, чтобы кошки очутились направо, а собаки налево?

Для того, чтобы рѣшить эту задачу, возьмемъ клочокъ бумаги и нарисуемъ на немъ семь кружковъ. Въмѣсто кошекъ возьмемъ три пера, а вмѣсто собакъ три пуговицы и помѣстимъ ихъ на кружки, на тѣ мѣста, которыя показаны у насъ на рисункѣ. Правила задачи: каждая кошка и каждая собака можетъ перепрыгнуть на любой свободный кружокъ, но не больше, чѣмъ черезъ два кружка, причемъ никто изъ нихъ не можетъ прыгать два раза подъ рядъ.

Задача № 1.

Девять человѣкъ заблудились въ горахъ, причемъ провизіи у нихъ было на пять дней.

На слѣдующій день они встрѣтили еще нѣсколькихъ заблудившихся, у которыхъ провизіи не было. Тогда они подѣлили весь провизіи между собой, причемъ каждому хватило на три дня.

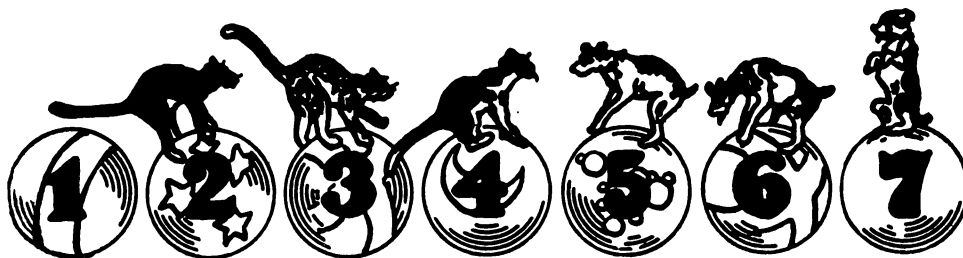
Сколько человѣкъ было во второй партіи заблудившихся?

Задача № 2.

Мальчикъ пришелъ въ гостиницу и заказалъ обѣдъ для компаніи, которая возвращалась съ прогулки. „Сколько васъ всѣхъ?“ спросилъ владѣлецъ гостиницы. „Обѣдать будутъ отецъ, мать, дядя, тетя, сестра, братъ, племянникъ, племянница, двоюродный братъ и двоюродная сестра“.

Какое наименьшее число человѣкъ могло быть въ этой компаніи?

Рѣшеніе головоломокъ и задачъ будетъ помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ.

И. И. АНТИПОВЪ

Рига, Известковая ул. № 36.

Самый большой складъ охотничьихъ ружей одноствольныхъ, двухствольныхъ и трехствольныхъ съ курками и безъ курк.

АВТОМАТИЧЕСКІЕ ПИСТОЛЕТЫ И РЕВОЛЬВЕРЫ въ самомъ большомъ выборѣ, какъ и всѣ патроны, пистоны, гильзы для охоты — **САМЫЙ ЛУЧШІЙ ПОРОХЪ** и перваго качества охотничья дробь, какъ и всѣ охотничьи принадлежности. — **Фабричный складъ** рыболовныхъ сѣтей и также готовыхъ вставленныхъ сѣтей и неводовъ, пряжи для шитья, вязанья и тканей

Оптомъ.

Въ розницу.

С М Ъ Ш Н О,

если у портного бываютъ неудачи въ кройкѣ.

„Золотая книга“

гарантія отъ всякихъ неудачъ.

Г. Х. Левитанусъ, Маринская 37,
отвѣтитъ немедленно на все вопросы.

Модные журналы.

Плиссе.

Всевозможныя выкройки.

„ГУТЕНБЕРГЪ“

существуетъ съ 1898 г.

Рига, Маринская ул. 10. Тел. 32-96

СЛОВОЛИТНЯ ЦИНКОГРАФИЯ ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА ЗАВЕДЕНІЕ ДЛЯ ОТЛИВКИ ВАЛИКОВЪ

== Представительство лучшихъ германскихъ словолитенъ ==

Большой выборъ новѣйшихъ титульныхъ и книжныхъ шрифтовъ,
:: мѣдныхъ линеекъ, типографскаго матеріала и украшеній ::

Кино-варьетэ „МАРИИЭ“

съ 16-го ноября с. г.

Премьера

„Женщина — вѣчный сфинксъ“

Драма въ 8 частяхъ. Въ глав. роляхъ **ФРАНСЪ ДЕЛІА** и **КОНСТАНЪ РЕМИ**. Французская постановка.

На сценѣ **„ЦИРКЪ“** Гала представленіе въ 6 картинахъ съ прологомъ и эпилогомъ. Сочиненіе и пост. **ИВ. РУДЕНКОВА**.

Балетное пост. **ЭД. ПЛЕВИЦКАГО** при участіи прима-балерины **О. НИКОЛАЕВОЙ**.
Участвуютъ **Е. ПЛАНСОНЪ**, **А. ВОЛКОВЪ** и весь кордебалетъ.

Отвѣтственные режиссеры **И. Руденковъ** и **Е. Плевикій**. Дирекція **Ф. Кару**.

ЦИНКОГРАФІЯ
„Трафика“

Тел. 56-93. Мл. Сборная 1.

Изготовление всякаго рода клише.
Быстро, аккуратно и художественно.

P. S. При заказах просимъ обращаться
за смѣтами.

Садоводство

Теплица Оранжерея.

„ВАРИНО“

И. Добровольскаго въ Ригѣ.

Jelgavas šosejā 78. Тел. 58-19.

Богатый выборъ различныхъ сортовъ хорошихъ, крѣпкихъ,
плодовыхъ деревьевъ, кустовъ, розъ, цвѣтовъ, луко-
вицъ, гіацинтовъ, тюльпановъ, нарцисовъ и геліотроновъ.

*Здѣсь можно также получить
лучшія смѣха овощей.*

Сообщеніе трамваемъ № 7 и автобусомъ Торенсбергъ — бул. Свободы
— линія Почты. Остановка автобусовъ у садоводства.

Генеральное представительство журнала **„ПЕРЕЗВОНЫ“**
въ ПОЛЬШѢ

Издательство, Книготорговля и Газетная Экспедиція
„ДОБРО“

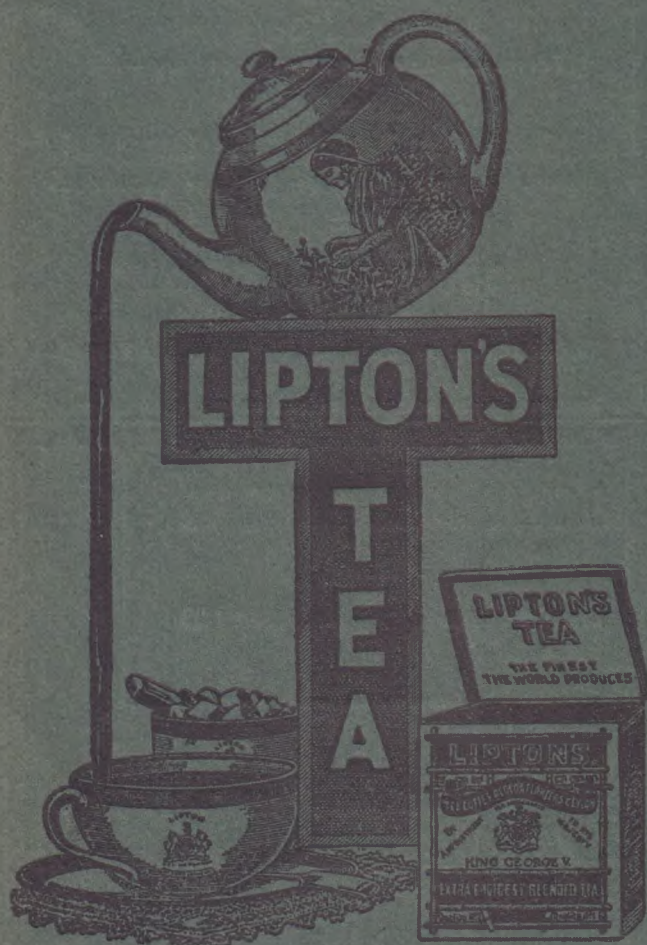
Warszawa, Hoża 45-8. Tel. 226-84.

Почтовый адресъ: „Dobro“, Skrzynka 292, Warszawa.

Konto czekowe w P. K. O. Nr. 9668.

принимаетъ подписку на „Перезвоны“ и объявленія.

Подписная плата съ **доставкой** въ ПольшѢ: на 1 мѣс. — 4 зл. 50 гр., на 3 мѣс. — 13 зл., на 1/2 года — 25 зл.

ЧАШКА ЧАЮ
прямо съ плантацій.

Дамскій
и мужской парикмахерскій залъ

Г. СИМСОНЪ

Рига, Мельничная ул. № 37.

Прическа, мытье головы, окраска волосъ

== Умѣренныя цѣны ==

Пріемъ заказовъ на всякія волосныя работы

Маникюръ

Генеральное Представительство журнала

„Перезвоны“

въ Болгаріи

Книжная торговля и газетная экспедиція

Н. Алексѣва

СОФІЯ, В. Тырново 17

А. В. Мухинъ въ Вѣнѣ

Представитель по продажѣ журнала

„Перезвоны“

Генеральный представитель газеты

„The New Yorks Times“

для Австріи и Балканскихъ государствъ.

Представительство

**Русскихъ зарубежныхъ, германскихъ,
итальянскихъ и др. изданій.**

Розничная продажа по всей Вѣнѣ.

Пріемъ подписки и объявленій.

СКЛАДЪ КНИГЪ.**A. MUSHIN,**

Wien I, Petersplatz, 9 (Hotel Wandl).

Дѣтелямъ, судебнымъ, административнымъ и
коммунальнымъ учрежденіямъ рекомендуемъ:**Н. С. ТАГАНЦЕВА****Уголовное Уложеніе**

22 марта 1903 г.

въ брошюр. Ls. 19.20

„ коленкор. пер. „ 29.—

„ кожан. пер. „ 25.20

Дисциплинарный УставъТекстъ статей съ объяснительной къ нимъ запиской
Ls. 2.40**П. Н. ЯКОБИ****Постановленіе 12 января 1922 г.**

объ

Условномъ Осужденіи

Текстъ закона съ комментаріями Ls. —.30

A. ŠMĒMANS**Dzimtssarakstu nodalju darbinieku rokas grāmata**Tikumi, rīkojumi un paskaidrojumi par civiltāvokļa
aktu reģistrāciju Ls. 2.80**Издательство „Лета“**

Рига, Кг. Barona ielā № 4.

Отдѣленія: въ Либавѣ, Двинскѣ и Рѣжигѣ.

КОФЕ

въ знакомыхъ всѣмъ зеленыхъ кулкахъ

жареный по способу „Тума“отличается своимъ мягкимъ вкусомъ,
прекраснымъ ароматомъ и пріятнымъ
вліяніемъ на здоровье,**при полномъ сохраненіи кофенна.**

Единственн. продуценты:

Оптов. заведеніе для жаренія кофе

Братья Штрейфъ, Рига

Главный магазинъ:

Конюшенная 6. Тел. 13-21.

Отдѣленіе:

Ткацкая 3. Тел. 65-60.

И. ПЕРПЪ и Ф. МАРИЕНФЕЛЬДЪ

Рига

Мал. Королевск. 17 Маринская 28

Наибольшій складъ въ Латвіи

:: модныхъ и шикарныхъ ::

АРМАТУРЪ

для электрическаго освѣщенія

во всѣхъ стиляхъ по сходнымъ

цѣнамъ